

И. Корсунский

Государственное значение церковно-приходской школы профессор Иван Николаевич Корсунский

Читано с сокращениями в годичном собрании Общества любителей духовного просвещения 13 декабря 1887 года.

Уже не раз достопочтенное собрание Общества любителей духовного просвещения выслушивало речи о церковно-приходских школах в течение последних шести лет. Едва только поднят был в правительственных сферах в 1881 году вопрос о восстановлении значения этих школ, как Общество любителей духовного просвещения, отзывчивое на все добрые начинания и мероприятия правительства, каким бы то ни было образом касающиеся задач его, поставило этот вопрос на очереди в годичном собрании своем за означенный год, – и речь И.И. Соловьева «Об участии духовенства в деле народного образования» была прекрасным ответом на поставленный Обществом вопрос. Через три года после того, именно в октябре 1884 года, ввиду последовавшего в этот год законоположения о церковно-приходских школах, Общество, в годичном собрании своем, имело случай выслушать блестящую речь глубокого знатока дела о. протоиерея П. А. Смирнова, имевшую предметом своим «Прошедшее в церковно-приходской школе на западе в виду будущего нашей». Того же вопроса отчасти касалось Общество и в 1885 году на собраниях своих, затем в 1886 и в 1887 году на страницах своих повременных изданий. Повидимому, дело уже разъяснено достаточно, и с вопросом о церковно-приходских школах, как с вопросом, пора бы покончить, занимаясь лишь применением к делу правительственных распоряжений об этих школах, а не тем, чтобы мозолить уши слушателей и глаза читателей повторением задов. Но, к сожалению, и в правительственных сферах этот вопрос доселе остается еще не вполне разъясненным и разрешенным, и в обществе русском, наряду с людьми, искренно желающими водворения церковно-приходской школы, есть много таких людей, которые жалуются на боль в ушах, когда их касается разговор о ней. В доказательство первого я укажу хотя бы на Высочайше утвержденное в 12-й день мая текущего года и недавно опубликованное мнение Государственного Совета,

который, разрешив духовному ведомству расходование ста двадцати тысяч рублей из Государственного Казначейства на потребности церковно-приходских школ, между прочим, положил: «предоставить обер-прокурору Св. Синода и министру народного просвещения внести в Государственный Совет особое, в установленном порядке, представление по вопросу о том, не представится ли более удобным сосредоточить дело развития первоначального народного образования в одном ведомстве как для наилучшего направления сего дела по существу, так и в видах наиболее целесообразного и бережливого употребления средств Государственного Казначейства, могущих быть назначаемыми на потребности первоначального народного образования» (см. офиц. отд. Москв. Церк. Ведом. за 1887 г. №30 от 6 сентября). В доказательство же того, как многие в самом обществе смотрят на церковно-приходские школы, можно было бы указать на множество статей, появлявшихся в различных периодических изданиях наших и до опубликования сейчас приведенного правительственного распоряжения и особенно после и вследствие опубликования этого распоряжения (см. напр. статью Д. Дашкова в Современных Известиях за текущий год №№240 и 241; в Вестнике Европы за тот же год №№9 и 11 «Внутр. Обзорение»; газеты: Минута №231; Киевлянин №№193 и 195 и др.). В этих и подобных статьях, особенно в виду вероятности передачи заведывания делом начального народного образования духовному ведомству, высказывается например то, что такая передача «будет крайне неблагоприятна для дела начального обучения» (Вестн. Евр. № 9); что восстановление церковно-приходских школ в 1884 году «было отчасти возвратом к прошлому, которое представляется далеко не в розовом свете всем друзьям народного просвещения и искренним недоброжелателям невежества и суеверия, в которые погружены были массы русского простолюдина» (Минута, №231); что «как это отдаленное прошлое, так и ближайшее настоящее не заставляют относиться с особенными надеждами на прогрессивное развитие образовательного уровня народных масс, при посредстве церковно-приходских школ» (там же; срав. Семья и Школа 1872 г. стр. 981 и дал.); что и сама старая духовная школа носила «узкоклерикальный, сословный характер» (Семья и Школа 1872 г. стр. 1036) и под. В тех же и иных подобных статьях, с другой стороны, высказываются и такие мысли, что «церковно-приходские школы существуют очень недавно, сведений об них мало, достоверных данных еще меньше» (Вестн. Евр. 1887 г № 9); – что «первоначальная школа светского образца является испытанным средством, а церковно-приходская школа стоит в начале

неизведанного пути, прикрываясь флагом высших соображений» (Минута № 231); – что к так называемой земской школе и духовенство и народ относились до сих пор «сочувственно» (Совр. Изв.); – что если в школе земской и министерской, вообще светской встречаются «неудачные учителя и уродливые явления, то от них церковно-приходская школа защищена ничуть не сильнее» (Киевлянин); – что школу земскую и министерскую «не хотят знать, не хотят видеть в настоящем ее свете, ее случайные погрешности возводятся на степень общего правила, ее громадные заслуги замалчиваются или подвергаются решительному отрицанию» (Вест. Евр.) и т.д. Из всего этого и подобного ясно, что вопрос о церковно-приходской школе во многих, при том в некоторых даже так называемых принципиальных пунктах остается доселе еще открытым. Нам кажется, что во всем этом сущность недоразумений заключается во взгляде на означенный вопрос, как вопрос сословный, а не государственный. Многие в водворении церковно-приходской школы хотят видеть посягательство на права других сословий и учреждений в деле начального народного просвещения, с предпочтением сословия духовного. А между тем, по нашему крайнему мнению и убеждению, дело стоит иначе. Поэтому отнюдь не было бы неблагоприятным, думается нам, предложить теперь благосклонному вниманию любителей духовного просвещения речь о государственном значении церковно-приходской школы. И так как цель восстанавливаемых ныне церковно-приходских школ, по Высочайше утвержденным в 1884 году правилам о них, заключается не в том, чтобы поддерживать «суеверие и невежество», а в том, чтобы «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» (§ 1): то с этой именно точки зрения мы считаем нужным вести и рассуждение о предмете нашей речи.

Двадцать пять лет тому назад в начале осени праздновалось тысячелетие России. Россия, так сказать, отдавала публичный отчет за протекшее 1000-летие своей государственной жизни и деятельности. Хотя главное торжество праздника сосредоточилось в Новгороде, где в 862 году начал княжить Рюрик, однако и Москва – собирательница России и установительница единодержавия не была безучастна к этому празднованию. Прежде чем отправиться в Новгород на праздник тысячелетия России, в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич посетил свою первопрестольную столицу, – средоточие русской святыни, сердце России. Приснопамятный святитель Московский Филарет, 19 августа встретил Государя в Успенском соборе (также не

лишенном государственного значения в жизни России) речью, в которой между прочим говорил: «что было началом огражданствования и просвещения России? Что объединило ее после княжеского раздробления? Что не допустило ее пасть под чуждым игом, и исторгло из-под ига? Что из разрушительного междоусобия воссоздало ее в сильно сосредоточенную Монархию? Не паче ли всего православная вера?» (Сочин. Филар. V, 549–550. Москва, 1885). Кому не известно, сколь глубоко обдуманно было всегда каждое слово великого учителя нашей Церкви – Филарета. Тем более печать такой обдуманности лежит на речах, которые он произносил в присутствии Высочайших Особ, и тем большею глубиною мысли должна была отличаться такая речь, слова которой мы сейчас привели, т.е. речь, сказанная ввиду столь знаменательного события, как празднование тысячелетия России. Вникнем же поглубже в каждое из приведенных слов нашего учителя, дни памяти которого так счастливо совпадают с временем настоящего собрания¹ и уясним для себя их значение. Это, без сомнения, стоит труда; да и принесет, надеемся, немалую пользу раскрытию предмета нашей речи. – Какие исторические моменты имеются в виду святителем в приведенных словах его речи? – Во-первых, начало настоящей гражданской или государственной жизни и просвещения России; во-вторых, объединение ее после княжеского раздробления, имевшего место при удельной системе, в династии великих князей Московских; в-третьих, времена Монгольского ига, от которого Россия освободилась лишь через два с половиной века после начала его, уже при великом князе Московском Иоанне III; в-четвертых, после тяжелых времен междоусобия в начале XVII века, восстановление государственного строя России и усиление ее под монархическим правлением доселе благополучно царствующего Дома Романовых. Проверим и раскроем все это исторически.

1) Точно ли православная вера была по преимуществу («паче всего») началом огражданствования и просвещения России?

Что представляла собою теперешняя Россия до принятия ею христианской веры православного исповедания? Народное раздробление, отсутствие всякой почти гражданственности (за исключением разве, да и то лишь отчасти, Новгорода и Киева), полнейшую грубость нравов, господство диких страстей, отсутствие самонаименованного вида просвещения и т.п. Известно напр. по летописям, сколь великою грубостью нравов, сколь дикою свирепостью отличались Древляне. Известно также, какими кровавыми расправами обыкновенно оканчивались сходки племенных старшин, имевшие даже и добрую цель по своему началу (общинное

обсуждение племенных дел и вопросов). Равным образом известны также весьма жестокие, нередко злодейски-предательские, и обыкновенно кровавые действия первых князей-язычников: Олега, предательски поступившего с князьями Киевскими – Аскольдом и Диром; не могшего жить без удовлетворения жажды крови Святослава Игоревича и др. Только с принятием христианства Русскими начинается настоящее «огражданствование» России. Смягчая грубость нравов, укрощая страсти, смиряя волю в послушание закону Божию, христианская вера уже тем самым располагала принимавших ее к мирным занятиям гражданским, способствовала утверждению правосудия, полюбовному, основанному на взаимных уступках и согласии, распределению наследственных и благоприобретенных имуществ, владений и т.д. С принятием христианства и в самих князьях воинственный дух, страсть к кровавым расправам и к завоеваниям уступили место стремлениям к мирному гражданскому устройению и развитию России. Доказательство этого можно видеть уже в Аскольде и Дире, в Игоре (тайно христианиновывавшем) и особенно в супруге Игоря – Ольге, а равно и в их подданных, принимавших христианство. Но нагляднейшее доказательство того же летописи дают видеть на примере крестившего Русь князя Владимира-язычника и Владимира-христианина. С принятием христианства он изменился до неузнаваемости, и благодаря такой перемене Русь весьма подвинулась вперед в своем гражданском благоустройстве. Еще более сделал в том же отношении сын Владимира, Ярослав, недаром прозванный Мудрым. «Русская правда» Ярослава служит наилучшим памятником его стремлений к огражданствованию России, и притом именно с христианской точки зрения.

Вместе с «огражданствованием», православная вера послужила началом и «просвещения» России, что всего более интересует нас в настоящую минуту. Между тем как до введения христианства в Россию, о просвещении не было и помину в ней, с принятием христианства русскими просвещение мало-помалу стало прививаться и к ним, а с общим крещением Руси при Владимире сделало и очень быстрые сравнительно успехи. Недаром самое принятие христианства вообще обозначается как просвещение верою, просвещение светом веры Христовой, научение вере. Уже с самим крещением в христианстве всегда соединялось оглашение, научение, согласно заповеди Спасителя, данной Апостолам, а чрез них и их преемникам – епископам и пресвитерам: шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще их блюсти вся елика заповедах вам (Мф. 28:19, 20). Какое здесь разумеется научение

или учение, это ясно из самой же заповеди Спасителя, указующей на «вероучение» (научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа) и «нравоучение» (учаще их блюсти вся елика заповедах вам). А так как Господь Спаситель заповедал весьма многое или, лучше сказать, все необходимое для спасения человека в его временной и вечной жизни, раскрытое пред нами в Евангелиях и прочих Апостольских Писаниях: то научение или учение это можно было бы назвать вообще христианским. Христианское же учение включает в себе основы учения не только новозаветного, но и ветхозаветного, не только умозрительного, но и деятельного, не только догматического с нравственным, но и исторического, литургического и т.д., не только священно-церковного, но и государственного. Оно же поощряет и всякое «полезное знание», Апостольским внушением: елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте (Филип. 4:8). Но так как, ввиду вечного спасения человека, которое составляет единое на потребу (Лук. 10:42), светское или, по Апостольскому выражению, телесное обучение в мале есть полезно: а благочестие на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешнего и грядущего (1Тим. 4:8): то само собою разумеется, что преобладающим характером основывающегося на вышеприведенной заповеди Спасителя учения христианского должен был оставаться характер Божественный, церковный. Этот характер проходит чрез всю дальнейшую просветительную деятельность основанной Христом и Апостолами Церкви в лице главных и ближайших представителей ее – пастырей и учителей; в силу чего св. Церковь и на все последующие времена как самую обязанность пастырей – учить народ, так и характер этого учения или научения, обучения утвердила своими правилами. Для незнающих или забывающих эти правила приводим важнейшие из них. VII всел. соб. прав. 10 так гласит о священнике в его отношении к своему приходу: «да идет учить отроков и домочадцев, читая им Божественное писание: ибо для сего и священство получил». Того же собора правило 2-е: «поелику мы в псалмопении обещаем Богу: во оправданиях Твоих поучуся, не забуду словес Твоих (Псал. 118:6), то и всем христианам сие сохранять есть спасительно, наипаче же приемлющим священническое достоинство. Сего ради определяем: всякому имеющему возведену быти на епископский степень, непременно знати Псалтирь, да тако и весь свой клир вразумляет поучатися из оныя. Такожде тщательнo испытывати его митрополиту, имеет ли усердие с размышлением, а не мимоходом, читати священные

правила, и святое Евангелие, и книгу Божественного Апостола, и все Божественное писание, и поступати по заповедям Божиим, и учити порученный ему народ. Ибо сущность иерархии нашей составляют Богопреданные словеса, то есть, истинное ведение Божественных писаний, якоже изрек великий Дионисий. Аще же колеблется, и не усердствует тако творити и учити: да не рукополагается. Ибо пророчески рек Бог: ты умение отвергнул еси, отвергну и аз тебе, да не жречествуеши Мне (Осии 4:6)». Апост. прав. 58-е: «епископ, или пресвитер, не радящий о причте и о людех, и не учащий их благочестие, да будет отлучен. Аще же останется в сем нерадении и лености: да будет извержен». VI вселен. соб. правило 19-е: «предстоятели церковей должны по все дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественного писания разумения и рассуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания Богоносных отец: и аще будет исследуемо слово писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя церкви в своих писаниях, и сими более да удовлетворяются, нежели составлением собственных слов, дабы, при недостатке умения в сем, не уклониться от подобающего. Ибо, чрез учение вышереченных отец, люди, получая познание о добром и достойном избрания, и о неполезном и достойном отвращения, исправляют жизнь свою на лучшее, и не страждут недугом неведения, но, внимая учению, побуждают себя к удалению от зла, и, страхом угрожающих наказаний, соделывают свое спасение²». В согласии с этим всегда действовали ревностные пастыри и учителя Церкви Христовой в Греции. И в этом-то смысле о многих из них в наших старых славянских грамматиках говорится, напр., что тот или другой из них, после обучения «грамоте» (разумеется, греческой) или иногда и «грамматики», «первее убо Божественные писания наша навиче», или что «по научении Псалтири пустиша его (Николая Студита) родителя в Константин град» и под. (Мелетия Смотрицкого, Славян, грам. л. 12, 13; срав. 2, 3 и др.). Таким же образом действовали и в славянских землях вышедшие из Греции св. братья Кирилл и Мефодий со своими учениками, недаром названные просветителями славян. Они изобрели для последних и славянскую азбуку, – основание грамотности, просвещения. Ибо просвещать без письмен значило бы, – рассуждал один из св. братьев (Кирилл), – то же, что «на воде беседу написать» (см. Кирилло-Мефод. Сборн. стр. 21. Москва, 1865)³. Для той же цели перевели они с греческого на славянский язык более необходимые книги священные, богослужебные и другие церковные, начав это святое дело свое, по обычаю, молитвою. Это было за несколько лет до

призвания князей варяжских на Русь, а вообще просветительная деятельность славянских апостолов совпадала по времени с первыми десятилетиями государственной жизни России под управлением князей из рода Рюрика (св. Кирилл скончался в 869, а св. Мефодий в 885 году). Семя просвещения, брошенное св. братьями среди славян южных и западных, перенесено было в свое время и в Россию, именно вместе с принятием ею христианства, и здесь дало обильный плод, особенно же с общим крещением Руси при Владимире. Великий князь Владимир, приступая к столь великому делу, как просвещение подвластного ему народа христианскою православною верою, подобно св. Кириллу и Мефодию, предваряет его молитвою. Именно еще пред взятием Корсуня Владимир, сам уже христианин, обращается к Богу с такою молитвою: «Господи Боже, Владыко всех! Сего у Тебе прошу, да даси ми град, да прииму, и да приведу люди хрестьяны и попы на свою землю, да научат люди (мои) закону хрестьянскому» (монаха Иакова, «похвала князю русскому Володимеру»). И после взятия Корсуня Владимир подлинно привел с собою в Киев многие «люди хрестьяны и попы»; а вместе с тем принес и славянские богослужебные книги – переводный труд св. Кирилла и Мефодия (там же). Заручившись таким образом всем необходимым на первый раз для научения народа своего закону христианскому, Владимир в государстве своем теперь «нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом». Так сообщает летописец и затем, как бы в прямое соответствие древнему порядку научения, соединявшегося с крещением, непосредственно присовокупляет, что тот же «Володимер, послав, нача поимати у нарочитое чади (т.е. у знатных людей, бояр) дети и даяти нача на ученье книжное» (Полн. собр. рус. летоп. I, 51) т.е. приведенным из Греции ученым людям «хрестьяном и попом». Уже из этого последнего обстоятельства можно видеть, каков должен был быть характер этого «ученья книжного». Недаром летописец к сейчас сказанному добавляет следующее: «сим же», т.е. детям, «раздаяном на ученье книгам, сбысться пророчество на Русьстей земли, глаголющее: во они дни услышат глусии словеса книжная, и ясен будет язык гугнивых», т.е. добавляет то же самое, что и Паннонский жизнеописатель св. Мефодия добавляет к своему описанию просветительной деятельности последнего и плодов ее. И как сам Владимир, по свидетельству летописи, «бе любя словеса книжна» (Полн. собр. р. лет. I, 54), так и другим в своем государстве желал духовного просвещения чрез те же «словеса книжна». В силу этого ближе всего он, конечно, постарался сделать причастными этому просвещению

своих детей. И из них о св. Борисе и кн. Ярославе мы имеем положительные летописные данные, свидетельствующие об их образовании и начитанности. О просвещении сторонних людей говорено было сейчас. Ярославу, вскоре после кончины Владимира, досталось в удел и самое великое княжение, следовательно вместе с тем и продолжение начатого отцом его по делу духовного просвещения народа русского. И он явился достойным преемником славы отца как в других, так и в этом отношении. В продолжительное время великого княжения своего (1019–1054) Ярослав утвердил на прочных основаниях дело, начатое св. первоучителями славянскими и перенесенное в Россию его предшественниками, расширив дело духовного просвещения народа умножением способов просвещения и распространением пределов его, но с сохранением основного характера его, – Божественного, церковного. Вот как древнерусская летопись изображает отношение Ярослава к делу духовного просвещения народа русского и самое это дело, им совершенное. «И присем, – читаем в Лаврент. Летописи, – нача вера хрестьянская плодити ся и разширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьце, и книгам прилежа и почитая е часто в ноци и во дне; и собра письце многы, и прекладаше от Грек на Словенское писмо, и списаша книги многы, и сниска, имиже поучащесе вернии людье, наслаждаются ученья Божественного. Якоже бо се некто землю разорет, другый же насеет, ини же пожинают и ядят пищу бескудну: тако и съ (сей). Отец бо сего Володимер взора и умягчи, рекше крещеньем просветив: сей же насея книжными словесы сердца верных людий, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных, се бо суть реки напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгам бо есть неисчетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы, си суть узда воздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломон хваля глоголаше: Аз премудрость вселих, совет, разум и смысл Аз призвах и пр. (Притч. 8:12 и дал.). Аще бо поищещи в книгах мудрости прилежно: то обрящещи великую ползу души своей; иже бо книги часто чтеть, то беседует с Богом или со святыми мужи; почитая пророческия беседы, и евангельская ученья и апостольская, житья святых отец, восприемлет душа велику ползу. Ярослав же се, якоже рекохом, любим бе книгам, многы написав положи в церкви святой Софьи, юже созда сам. И ины церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы, и дая им от

именя своего урок (т.е. содержание), веля им учить люди, понеже тем есть поручено Богом, и приходити часто к церквам, и умножишася прозвутери, людье хрестьяньстии» (там же, стр. 65–66). Равным образом, подобно отцу своему, Ярослав в 1030 году, прибыв в Новгород, «собра от старость и от поповых детей 300, и повеле учить книгам» (Новгор. летоп. под 1030 годом). Нечего разьяснять и без того ясные черты дела просвещения Руси при Ярославе во всех его подробностях. Мы скажем только то, что это просвещение было чисто церковное, религиозное и по объему начальное, простиралось на все сословия и состояния без различия, сосредоточивалось главным образом в церковных приходах, совершалось ближе всего под руководством или смотрением священников, имело для себя поддержку и в монастырях, а пособия в церковных и монастырских библиотеках, которые наполнялись книгами (рукописными), конечно, соответствующего же содержания. При этом самыми любимыми книгами для чтения, как мы уже отчасти и видели, были: Евангелие, Апостол, Псалтирь, Часослов, и некоторые другие из богослужебных книг; затем – Жития святых и Пролог; из творений свято-отеческих особенно творения св. Иоанна Златоуста, св. Ефрема Сирина и нек. др. Книг так называемого светского содержания почти совсем не было или и они окрашивались характером религиозности и нравоучительности, каковы напр. летописи и т.п. Итак вот то достояние со стороны просвещения, которое Россия приняла во время оно от св. Кирилла и Мефодия чрез посредство православной Греции; вот в каком виде оно перешло к нам на Русь и привилось у нас. Наши предки не гнались за многим, а старались только о том, чтобы, заручившись начальными основаниями грамотности (на церковно-славянском языке) и счетоводства, основывавшегося также на церковно-славянской азбуке, перейти к чтению или, как говорилось тогда, к «почитанью» книг Божественных и вынести отсюда душевную пользу как чрез просвещение ума светом истины христианской, так и чрез укрепление воли в добре и чрез утверждение сердца в истинно христианских чувствованиях. В этом смысле пастыри и учителя русской церкви поучали народ и с церковной кафедры. Так напр. знаменитый проповедник XII века Кирилл, епископ Туровский в своем «Наказаньи» мирянам увещевает их «почитать святые книги» и не извиняться тем, что дескать «не наше есть дело почитанье книжное, но чернечское». Говорящих же: «аще и чту, но не разумею», он наставляет очистить сердце и душу к приятию премудрости, о неведомом же вопрошать мудрейших себя и с верою ждать вразумления от Бога. В таком же виде и направлении просвещение на Руси шло и в последующие времена, с

некоторой разницей лишь в успехе и широте дела, зависевшей от политических обстоятельств, в которых находилась в то или другое время Россия. – Таким образом верно слово, что по преимуществу православная вера «была началом» не только «огражданствования», но и «просвещения» России.

2) Но к глубокому сожалению, первые русские князья, вводя огражданствование и просвещение в Россию, ввели в нее и так называемую «удельную систему». Уже первые варяжские (норманнские) князья, призванные править Россией, три брата Рюрик, Синеус и Трувор, поделили ее между собой, иначе сказать, разделили на уделы. Подобное же было и дальше. Такое положение вещей служило неиссякаемым источником недовольства, споров и войн из-за преобладания, из-за великокняжеского титула, из-за наследия, особенно если в числе наследовавших меньшие или худшие уделы по старшинству оказывались князья предприимчивые, воинственные, завистливые. Так после смерти равноапостольного князя Владимира (1015 г.), разделившего Русь на уделы между сыновьями своими, которых было много, старший сын его Святополк, княживший в Киеве с титулом великого князя, не довольствуясь своим владением, задумал истребить всех братьев своих, чтобы одному владеть всею Русью. Он уже успел умертвить двух братьев – Бориса и Глеба (причтенных св. церковью к лику св. мучеников), и только один из остальных братьев, – Ярослав Новгородский остановил его дальнейшие попытки в том же роде. Он вооружился против Святополка (прозванного Окаянным) и после победы над ним изгнал его из Киева, в котором стал княжить сам вместо его. Но пока жив был Ярослав Мудрый, он умел сдерживать все порывы остальных удельных князей (своих братьев и племянников) к спорам и разногласиям; а едва только умер он, назначив по обычаю своим сыновьям уделы, как опять начались усобицы княжеские. То же самое повторилось и после Владимира Мономаха (1113–1125), соединившего было Русь под своею властью. Яблоком раздора было обыкновенно Киевское великое княжение, благодаря чему Киев подвергался неоднократным нападениям, осаде и разорению, что в свою очередь способствовало его падению. За тем, и отчасти поэтому, возвысилось на севере княжество Суздальское с великим княжением во Владимире на Клязьме, но наряду с ним, хотя и с меньшим значением, были почти вполне независимыми княжествами также Киевское, Черниговское, Смоленское, Галицкое, Рязанское и др., что было уже прямо распадением Руси на отдельные политические единицы. Как это распадение, так и особенно княжеские усобицы, с одной стороны,

препятствовали правильному развитию и дальнейшему процветанию огражданствования и просвещения России, а с другой – ослабляли ее в борьбе с внешними врагами, сперва Печенегами, потом Половцами и наконец Монголами, надолго покорившими Русь своей власти. Хотя поздно, однако поняли наконец русские князья всю непригодность, даже более того, – пагубность удельной системы. Оставшиеся бесплодными, благодаря этой системе, такие предложения, как предложение князей, собравшихся в 1097 году в Любече: «зачем мы своими распрями губим русскую землю и даем Половцам разорять ее? Будем жить дружно и охранять свои отчины», могли иметь полное значение и применение на деле лишь с уничтожением удельной системы и с утверждением единой державы. За эту мысль об утверждении единой державы, добрые плоды которого уже видны были в Рюрикe (после смерти его братьев), Владимире святом, Ярославе и Владимире Мономахе, со всею силою взялись, с полным умением и блистательно выполнили ее князья Московские, происходившие из рода князей Суздальских и следовательно носившие титул великих князей Владимирских. Уже знаменитый предок их, св. благоверный князь Александр Ярославич Невский, княживший в Новгороде, прославил себя с одной стороны победами над Немцами и Шведами (в 1240 г.), а с другой – мудрой политикой покорности монголам (Батью). После его смерти, которую оплакивала вся Россия, один из сыновей его, Даниил, получил в удел г.Москву, и с тех пор начинается возвышение последней и княжества Московского. Главным виновником этого возвышения был сын Даниила, Иоанн Калита. Деятельный, благоразумный, бережливый, Калита (самое прозвание это означает «мешок с деньгами») сумел привлечь на свою сторону хана золотой орды Узбека и несмотря на сильный противовес в лице Тверского князя Александра Михайловича, несмотря на отсутствие юридических, так сказать, оснований к занятию великокняжеского престола, он в 1328 году получит титул великого князя Владимирского, продолжая однако жить в Москве. С того времени великое княжение не переставало быть в его роде, благодаря чему Москва, собирая вокруг себя мало-помалу все удельные княжества и распоряжаясь ими как подвластными себе, все более и более усиливалась и укреплялась, пока не обратилась в столицу царства Русского. – Какое же, спрашивается теперь, ко всему этому имела отношение православная вера? – Глубокое и многостороннее. Не говоря о христианском духе любви, кротости и т.п., который внушала она, чрез пастырей церкви, князьям во время их междоусобиц и распрей, она именно служила к «объединению России

после княжеского раздробления». И прежде всего приведем примеры примирения враждующих. Святослав, сын Ярослава Мудрого, нарушивший завещанный отцом мир, встретил сильного обличителя своих властолюбивых замыслов в преподобном Феодосии Печерском, который то кроткими увещаниями, то грозными прещениями действовал на князя, чтобы убедить его возратить престол великокняжеский старшему брату, и ни гнев, ни наружные знаки уважения князя к преподобному не заставили последнего прекратить свои настояния. Затем, когда сын Святослава Олег начал возбуждать междоусобные распри, в то время как с юга грозили нападением Половцы, прочие князя приглашали его – в общем совете перед епископами и игуменами договориться о том, какие между князьями должны быть наиболее правильные отношения, и хотя Олег поначалу не хотел соглашаться на это, однако потом, потерпев несколько неудач, согласился, и при посредстве предстоятелей церкви заключен был мирный договор, утвержденный крестным целованием. Когда Святополк, сын Изяслава, вероломным и жестоким поступком своим с Васильком возбудил против себя негодование всех князей и последние с своими дружинами уже приблизились к Киеву для наказания его, тогда митрополит Николай сам отправился в стан князей и уговорил их не совершать кровопролития и помириться с Святополком. Когда Юрий Долгорукий хотел выдать Ярославу Галицкому двоюродного брата его, бывшего у него в плену, митрополит говорил Юрию: «грех тебе целовавшему крест, держать его в такой нужде, а ты еще хочешь выдать его на убийство». И Юрий послушался святителя. Подобным же образом действовали, во имя святой православной веры, и другие многие архипастыри и пастыри во время междоусобных распр княжеских, руководясь тем высоким соображением, какое один из них прямо и высказал в собрании князей: «мы Богом поставлены на Русской земле, чтобы удерживать вас от кровопролития». – Далее, в отношении к объединению России после княжеского раздробления должно прежде всего сказать то, что Россия приняла православную веру от Греции в то время, когда в последней единой державе (имеющее для себя прочные основания и в св. Писании) было господствующим образом правления государственного, и в столице Византийской империи – Константинополе жил высший представитель церковной иерархии – патриарх. Могли ли же архипастыри и пастыри Церкви русской, составлявшей в рассматриваемое время одну из митрополий Константинопольского патриархата, благосклонно смотреть на политическое раздробление России?

Все усилия их во все время господства удельной системы на Руси

были направлены к тому, чтобы как можно более поддержать и утвердить великокняжеский престол преимущественно пред всеми другими княжескими престолами. Сами великие князья, или же князья, желавшие получить великокняжеский титул, старались привлечь архипастырей и пастырей русской церкви на свою сторону, пользуясь их благословением, как высшей санкцией своей власти; имея в виду значение святителей в глазах народа, как высших носителей и блюстителей православной Веры, они старались, для той же цели, перенести и самую резиденцию митрополита в свой столичный город. Поэтому-то в удельный период мы видим митрополичьи кафедры сначала в Киеве, потом во Владимире на Клязьме и наконец в Москве. Когда Московские князья, в борьбе с Тверскими, обнаружили настойчивое стремление к сосредоточению и утверждению власти единоличной и особенно когда один из них, именно вышеупомянутый Иоанн (Калита) пришел к благому намерению «собрать всю Русскую землю» вокруг Москвы: то на поддержку этого благого намерения явилась православная вера в лице ее высших представителей. И вот первый краеугольный камень в основание единой державы положен был святительскою рукою Петра митрополита. Еще до утверждения Иоанна в звании великого князя святитель Петр перенес свою (митрополичью) кафедру из Владимира на Клязьме в Москву. Князья Владимирские охлаждали к себе любовь народа и святителей своими постоянными раздорами и кровопролитиями. Святитель Петр полюбил доброго Московского князя Иоанна, одобрял его благие намерения, зрел духом будущее величие Москвы, и – весною 1325 года переселился в Москву, а в следующем году, убеждая князя воздвигнуть новый храм Богоматери во имя ее Успения, пророчески говорил ему: «если послушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься с родом твоим паче иных князей, и град твой славен будет пред всеми городами русскими, и святители поживут в нем, руки его взыдут на плечи врагов наших, и прославится Бог наш» (Филарета Черниг. Ист. рус. церкви, стр. 79. Спб. 1877). В самом деле утверждение митрополии и пребывание митрополита в Москве придавало ей особенно важное значение в глазах народа, видевшего в этом благословение Божие почивающее на Москве, а князьям Московским доставляло усердных и мудрых советников, ревностных сотрудников в лице митрополитов и их помощников. Преемники св. Петра митрополита неуклонно следовали его мудрым правилам действия в отношении к утверждению и распространению власти Московских князей и тем самым как бы содействовали исполнению его пророчества. Так митр. Феогност поддерживал Московского князя

Иоанна в борьбе за великокняжеский престол с Тверским князем Александром, которого, силою духовного запрещения, заставил отказаться от соперничества и удалиться из Пскова, под защиту которого он было скрылся. Особенно же много потрудился над усилением Москвы и утверждением в ней единой державы св. Алексий митрополит. Его помощь особенно нужна была при слабом Иоанне Иоанновиче и малолетнем сыне последнего Димитрии Донском. Последний только благодаря влиянию святителя, несмотря на юность свою, получил от хана золотой орды, также уважавшего первосвятителя земли русской, титул великого князя; при его же мудром руководстве и содействии обуздал порывы властолюбия князей Новгородских и Тверских, а прочих держал в повиновении себе. Ольгерд Литовский чувствовал всю силу влияния святителя на уничтожение его собственных замыслов, направленных к возмущению удельных князей против князя Московского и жаловался на него Константинопольскому патриарху: «до ныне и при отцах наших не бывало такого митрополита, каков сей митрополит: благословляет Москвитян на пролитие крови! А кто целовал крест ко мне и убежит к нему, митрополит снимает с него крестное целование» (Филар. Черниг. Ист. р. ц., стр. 83). Само собой разумеется, что жалоба эта осталась без последствий. Мудрой заботливости и предусмотрительности того же святителя Россия обязана введением и нового порядка престолонаследия – от отца к сыну, чрез что предотвращались столь частые и бедственные споры князей о престолонаследии. Подобным же образом и следуя тем же мудрым предначертаниям, митроп. Фотий действовал в пользу малолетнего Василия Васильевича (Темного) против притязаний сильного Юрия Галицкого. Другие представители церкви действовали затем в пользу того же Василия и против притязаний сына Юрьева, Димитрия Шемяки; и по преимуществу благодаря силе влияния церковной власти, после долгих колебаний, окончательно утвердилась власть великих князей Московских, чему особенно много послужил последний из чествуемых русской церковью трех святителей Московских – св. Иона, и в соборе пастырей и властью митрополичьей действовавший в пользу Василия против Шемяки, пока первый не утвердился окончательно на престоле и тем не утвердилось единое державие, ввиду которого сын Василия, Иоанн III мог уже справедливо именоваться Царем и Самодержцем всея Руси. Это звание еще более усилилось благодаря тому, что около того времени совершилось падение Константинополя под ударами Турок (в 1453 году) и Иоанн III вступил в

брак с племянницей последнего из Византийских Императоров Софией Палеолог, чрез что как бы сделался преемником их власти на востоке, усвоил многие обычаи Византийского двора, между прочим заимствовал оттуда чин священного венчания на царство и к русскому государственному гербу – св. Георгия Победоносца присоединил герб византийский – двуглавого орла. Достаточно посмотреть этот чин венчания, с небольшими изменениями действовавший и во все дальнейшее время государственной жизни России, чтобы убедиться в том, сколь велико значение православной веры и церкви при этом высшем освящении самодержавной власти.

3) Объединение России после княжеского раздробления, соби́рание Руси совершаемо было Московскими князьями в тиши времен ига Монгольского. При удельной системе, бывшей в то время еще в полной силе, иго это грозило совершенным уничтожением самой народности русской и исчезновением ее в волнах нашествий несметных татарских полчищ, если бы на помощь не явилась святая православная вера с ее верными хранителями и проповедниками – пастырями и учителями церкви. Она главным образом не допустила Россию пасть под чуждым игом и исторгла из-под ига, в течение двух с половиной веков тяготевшего над нею. Пред несметными толпами иноплеменников и их воинственной отвагою не могли устоять слабые силы раздробленной России; от меча и огня вражеского города и села превращались в безлюдные пустыни, от ненасытной жажды варваров к хищению и грабежу не было пощады никому и ничему. Но едва ослабел первый ужас нашествий монгольских, как русские князья снова обратились к раздорам и междоусобиям, которые теперь сделались тем пагубнее для народа, что враждующие часто прибегали к защите и посредству ханов золотой орды и их чиновников, чрез что сами подавали случай к новым нашествиям татар. Но чем грознее были опасности от всех этих бедствий, тем выше поднимается значение православной веры в устранении или, по крайней мере, в смягчении их чрез тех же хранителей и проповедников ее – пастырей и учителей церкви. Известно, что Монголы, согласно законам своим, а частью и из политических видов, оказывали уважение всякой вере, и тем более почитали нашу православную веру и служителей ее, что видели, сколь сильное влияние имели последние на умы и настроение народных масс. Желая привлечь к себе пастырей русской церкви, дабы при их посредстве крепче утвердить свою власть над русской землей, они, не говоря о том, что оставляли неприкосновенными религиозные убеждения наших предков, предоставили русскому духовенству большие права и

преимущества, как то: право собственного суда и даже свободу от всякой дани и повинностей, столь тяжких для других сословий тогдашней России. Обращения многих монголов в христианство, чудодейственная сила св. веры православной, проявлявшаяся в некоторых из ее служителей (напр. исцеление жены хана Чанибека вследствие молитвы святителя Алексия) и т.п. еще более содействовали тому же. И вот достойные служители св. веры пользовались этими правами и преимуществами главным образом для облегчения участи страдавшего под чуждым игом отечества. Недаром они получили название «печальников о всей земле Русской». Неоднократными ходатайствами пред ханами золотой орды они смягчали их жестокость к поработанным, уменьшали тяжесть платимой русскими дани, обезоруживали свирепых баскаков, которых ханы посылали для сбора податей. Напр. святитель Алексей, после чудесного исцеления жены хана, исходатайствовал для России облегчение от жестокостей ханского посла Кошака. Его же ходатайству обязана была Россия избавлением от жестокости Бердибека и т.д. Те же служители православной веры постоянно питали в сердцах Русских надежду на избавление от постыдного ига в более или менее близком будущем, воодушевляли их на борьбу с врагами свободы отечества, помогали для сего князьям и собственными средствами и мудрыми советами и т.д. А когда самые отчаянные усилия в борьбе с врагами оказывались безуспешными, тогда пастыри и учителя церкви русской сладчайшими внушениями святой веры и отрадными утешениями надежды христианской помогали страждущим благодушно переносить тяжкие страдания и не падать под крестом скорбного посещения Божия. В трогательных и согретых истинно евангельской любовью наставлениях своих они поучали народ с покорностью воле Божией принимать постигшие их бедствия, как следствие с одной стороны праведного гнева Божия, наказующего за грехи, а с другой, – как проявление любви Божией, ниспосылающей эти бедствия для вразумления и обращения людей к Богу. И пастырское слово было действенно. Поскольку внешний человек на Руси тлел среди бедствий ига монгольского, постольку же обновлялся внутренний человек, укреплялся в терпении, возрастал в силе веры и упования, в сознании превосходства своей православной веры пред верованиями своих завоевателей, – и только под защитой этого несокрушимого, небесного всеоружия, неистощимый запас которого сохраняли сами и подавали Русским пастыри и учителя церкви, народ Русский выдержал страшную и продолжительную грозу монгольского владычества, не потерял навсегда внешней свободы и сохранил свое

священное достояние – св. православную веру. Примеры строгого подвижничества, мученичества и т.д. за то время служат наилучшими свидетелями этого.

Но православная же вера и «исторгла Россию из-под ига». И народное самочувствие и внушения пастырей и учителей церкви питали в Русских постоянную надежду на более или менее скорое освобождение от порабощения монголам. Лучшим средством для этой цели было утверждение единой державы, которое установилось, как мы видели выше, при ближайшем участии служителей православной веры. Те же служители веры посредствовали утвердившимся в единой державии князьям Московским и в освобождении России из-под ига. Кому не известно, какое участие принимали святитель Алексей, преподобный Сергей и другие служители веры в предварительных опытах борьбы с татарами? Куликовская битва, на которую великий князь Московский Дмитрий Иоаннович Донской был напутствован благословением препод. Сергия, предсказанием победы и посольством в сподвижники двух иноков – Пересвета и Ослябя, на пути утешен был благословением епископа Коломенского, а пред самым сражением укреплен был посланием того же препод. Сергия, – показала, что татары и монголы не непобедимы. Святитель Иона побуждал внука Дмитриева, Василия Васильевича, к борьбе с монголами, личными убеждениями и посланиями располагал и других князей содействовать великому князю в борьбе с врагами свободы отечества; а когда великий князь при нашествии монголов удалился из осажденной Москвы, тогда св. Иона остался в ней, принял на себя труды вождя-воина духовного, дабы силою молитвы и пастырского слова, ободрившего народ к мужеству и твердости, отстоять кремль. Он же в духовном восторге предвозвестил близкое освобождение России от татарского ига. Но вот наступила и самая минута этого освобождения. Золотая орда к половине XV века пришла в упадок. От нее отделились два больших ханства – Казанское и Крымское, образовавшие из себя два независимых царства. Великий князь Московский Иоанн III очень искусно воспользовался этим обстоятельством и особенно враждою Крымских ханов к ханам золотой орды. Заключив союз с Крымским ханом Менгли-Гиреем, он отказался платить дань хану золотой орды Ахмату. Ахмат пошел на Москву для усмирения князя Московского. Осторожный Иоанн убоялся вступить с ним в бой; но митрополит Геронтий и архиепископ Вассиан, согласно всеобщему желанию народа, а еще больше того в твердом уповании на помощь и милость Божию, настойчиво побуждали его взяться за оружие для отражения неприятеля. Иоанн послушался

совета святителей, собрал войско и двинулся навстречу врагу; но встретившись с татарскими полчищами, предводимыми Ахматом на берегах Угры, не решился вступить в сражение и не переходил реки. Однако сила веры народной и молитв собора святителей земли Русской была так велика, что в свою очередь и Ахмат устрасился перехода чрез реку и вступления в бой с русскими войсками и как бы гонимый невидимую силою поспешно удалился от реки Угры восвояси. Так кончилось иго монгольское. Это было в 1480 году. В следующем же столетии, также не без помощи св. веры православной, покорено было и царство Казанское при царе Иоанне Васильевиче IV (памятником чего служит столько чтимая на Руси Казанская икона Божией Матери), а потом мало-помалу, под сенью спасительного единодержавия, или ослаблены или покорены были и другие части прежде столь страшной для России золотой орды, т.е. царство Астраханское и ханство Крымское.

4) Но не много более одного столетия наслаждалась Россия плодами внутреннего единодержавного благоустройства и внешней свободы, как нависла над нею новая туча ужаснейших бедствий. Эти бедствия, правда, не были так продолжительны, как бедствия, бывшие следствием монгольского ига, но зато были так глубоки, обширны и пагубны, что угрожали поколебать и искоренить все основания общественного благоденствия, порядка и государственной жизни России. И вера православная, и престол царский, и целостность государства и народная самостоятельность, – все это подвергалось крайней опасности во времена междуцарствия и самозванцев; но св. церковь, в лице достойных представителей ее, сохранила все это к славе Божией и благоденствию России. По особому устроению Божию пред этим страшным временем в России учреждено патриаршество и первым патриархом был Иов, пользовавшийся и по высокому сану и по личным высоким качествам общим уважением. Служение его церкви и отечеству оказалось как нельзя более благовременным. С несчастной смертью царевича Дмитрия Иоанновича пресекался царственный род. На престол был избран всеми сословиями народа и законно утвержден ближайший сродник последнего царя Феодора Иоанновича (бездетного), боярин Борис Годунов. Но вот разнеслась молва, что последний сам убил царевича Дмитрия чрез своих клеветов. Злые же люди воспользовались этой молвою для того, чтобы выставить другого кандидата на престол, распусшив слух, что будто бы это есть спасшийся от рук убийц царевич Дмитрий. Укрепляемый ложным именем последнего, поддерживаемый помощью иезуитских интриг и оружием Польши, этот искатель престола мало-помалу

привлекал к себе приверженцев, приближался все более и более к цели своих преступных замыслов и наконец от войска и народа был признан царем. Один только мужественный патриарх Иов с сонмом подчиненного ему духовенства не увлекся общим заблуждением. Уверившись в подлинном имени и звании обманщика, он объявил это во всеуслышание, торжественно произнес проклятие на него и его сообщников, особенным посланием к духовенству, находившемуся в Польше и Литве, убеждал обличить и там Лжедмитрия, в общем собрании духовенства постановил собрать от архиерейских домов и монастырей войско, оружие и запасы в помощь Государству для отражения врагов, а по церквам ежедневно возносить молитвы об успехах царского оружия, не переставал убеждать народ в верности данной присяге царю Борису и обличать изменников. Между тем Борис умер, воцарился сын его Феодор, а Лжедмитрий все еще держался. Мало того, по примеру Басманова, не присягнувшего Феодору, многие бояре, даже и из присягнувших сначала Феодору, стали на сторону Лжедмитрия. Один патриарх Иов опять должен был бороться с изменою и уговаривать клятвопреступников исправить свою ошибку. Видя силу влияния, какое имел патриарх на народ, мятежники пытались и его склонить на свою сторону, когда же эта попытка их не удалась, то прибегли к насилию: они ворвались в храм во время литургии, которую совершал сам первосвященник, вошли в алтарь и сорвали с него святительскую одежду. Тогда Иов снял с себя панагию, положил ее у чудотворной Владимирской иконы Божией Матери и со слезами молился вслух всех: «Владычице Богородице! Здесь возложена на меня панагия святительская, с нею исправлял я слово Сына твоего и Бога нашего и 12 лет хранил целостность веры. Ныне, ради грехов наших, как вижу, бедствует царство, обман и ересь торжествуют. Спаси и утверди православие молитвами к Сыну твоему» (Филар. Ист. р. ц. стр. 158). Злодеи надели на святителя рясу простого монаха, издевались над ним, позорно таская по площади и наконец сослали в Старицкий монастырь в заточение. И хотя долго еще не суждено было исполниться молитве страдальца – первосвященника, однако внушенный им дух правды и верности не ослабевал в других архипастырях и пастырях церкви русской, неуспынно бодрствовавших на страже православия и благоденствия отечества. При их содействии и вразумлении народ убедился в обмане и сверг Лжедмитрия. Призванный на царство Василий Иванович Шуйский, низложив возведенного самозванцем на патриаршество Игнатия, призвал на его место казанского митрополита Гермогена, мужа непоколебимой твердости и правоты, высокие святительские достоинства которого особенно нужны

были в то смутное время. Еще не кончилась чаша испытаний для царства и народа русского и для церкви русской с избранием Шуйского. Известна несчастная судьба непродолжительного царствования этого нелюбимого царя. Известны новые попытки латинства, польщизны и крамольников из русских, направленные к возведению на царство то второго Лжедмитрия (Тушинского вора), то польского королевича Владислава, а то иных. Известны те страшные бедствия, которые, благодаря этому, постигли несчастную русскую землю едва не во всех ее частях, причем, подобно как и во время татарских нашествий, все предавалось мечу, огню и поруганию, по местам в храмах раздавалось латинское пение взамен русского – православного, архипастыри и пастыри подвергаемы были ужасным оскорблениям и насилиям и т.д. Но известна и твердость и верность православию, законному царю и народности русской, какую обнаружили хранители и носители заветов церкви православной – архипастыри и пастыри, вместе с верными сынами матери-церкви и отечества. Известны высокие доблести в защите того, другого и третьей, какие выказали не только отдельные лица из духовенства русского, каковы: патриарх Гермоген, Ростовский митрополит Филарет (впоследствии также патриарх), Тверской архиепископ Феокист, святитель Коломенский Иосиф и мн. др., но и целые учреждения, каковы главным образом иноческие обители и особенно Сергиева Лавра. От этих же лиц и из этих мест исходило слово твердости и верности для всего русского народа то в виде поучения, то в форме посланий, а то в виде краткой, но сильной речи. Когда наконец несчастный Шуйский был заточен, поляки требовали короны для Владислава, а приверженцы Лжедмитрия – для этого последнего, тогда попечительный о благе отечества первосвятитель Гермоген предлагал в верховном совете избрать царя из природных русских и для сего указывал на родственника царственному Дому юного Михаила Феодоровича Романова, сына вышеупомянутого митрополита Филарета; однако приближение Польского войска к Москве решило выбор в пользу Владислава. Тогда Гермоген и Филарет, сильно противившиеся этому избранию, должны были согласиться на этот выбор, но только под тем условием согласились, чтобы Владислав принял православие, вступил в брак с русской и запретил под страхом смертной казни отступать от православия. Поляки вступили в Москву, а Сигизмунд, король польский, не хотел утвердить для своего сына предложенных условий. Тогда мужественный Архипастырь, воспламененный новою ревностью, разрешил всех от присяги Владиславу, разослал грамоты по всем городам, благословляя и призывая ополчаться за

родину. На пастырский голос его скоро отозвались измученные бедствиями отечества сердца русских. Многочисленные дружины, предводимые Ляпуновым, Мининым и Пожарским подступили к Москве. Поляки и изменники из русских, видя силу и влияние голоса патриарха, требовали от него, чтобы он остановил движение ополчения народного. «Ты дал им оружие в руки, – говорили они, – ты можешь и смирить их». Непоколебимый в твердости святитель сказал на это: «запрещу ополчению идти к Москве, если увижу, что Владислав – сын православия, а Поляки оставляют Москву». Салтыков поднял нож на патриарха. Тогда патриарх, подняв крест, сказал громко: «вот оружие против ножа твоего! Да вздет вечная клятва на главу твою» (Филар. Ист. р. ц. Стр. 161, 162)... И затем ни заточение, ни голод, ни другие мучения не заставили святителя-страдальца изменить свое решение. На угрозы смертью он отвечал, указывая на небо: «боюсь Единого, там живущего!» Тогда приказано было уморить его голодом. Но дело его продолжали другие архипастыри и пастыри, а также Сергиева Лавра, откуда рассылались грамоты за грамотами к возбуждению народного духа. Наконец мысль патриарха-мученика воскресла: избран на царство Михаил Феодорович из дома Романовых. Так кончилось смутное время. И кто же не согласится, что кончилось оно, благодаря силе православной веры, действовавшей чрез архипастырей и пастырей русской Церкви на народ, также одушевляемый ею?

С воцарением благословенного Дома Романовых Россия, оправившись от бедствий, нанесенных ей во времена «разрушительного междоусобия» и междуцарствия, быстрыми шагами пошла по пути своего внешнего и внутреннего преуспеяния. Уже внук первого царя из этого Дома, Петр Алексеевич, прозванный Великим, унаследовав все прежние царственные права, возвеличил значение царской власти принятием титула Императора, ограничением значения разных отдельных органов управления и подчинением их неограниченной воле Монарха, вообще так называемую централизацию власти, расширил пределы России во все стороны рядом побед над соседними державами и народностями, более других своих предшественников подвинул Россию на пути огражданствования и просвещения посредством более широкого открытия для нее дверей к сближению с образованной Европой и т.д., вообще положил более прочное основание тому величию и могуществу России, постепенное возрастание которого с тех пор составляло и доселе составляет предмет зависти для соседственных с Россиею государств. Но что же, спрашиваем, разве и все это опять делалось и делается независимо от православной веры и церкви? Отнюдь нет. Можно даже прямо сказать,

что не было бы ничего этого, если бы не было веры православной, в лоне матери-церкви воспитывавшей и утверждавшей Россию. В самом деле, не силою ли веры православной Россия окрепла и усилилась до страшного врагам ее могущества и под самодержавною властью царей и императоров из дома Романовых? Не силою ли этой веры побеждала она и поляков, и шведов, и турок и французов и других недругов православия, Царя-батюшки и своей родины-отечества за это время? Не в сознании ли единства по вере и крови вела и ведет она вековую борьбу не только с турками-магометанами, но и христианскими народами инославных исповеданий за свободу православных христиан из греков и славян на востоке? «За веру, Царя и отечество» – стало национальным лозунгом для русских во всех этих войнах. Равно также если мы обратим внимание и на дальнейшее развитие гражданственности и просвещения России из данных в начале ее государственной жизни основ, то должны будем признать, что православная вера занимала здесь далеко не последнее место в числе двигателей той и другого. Огражданствование постоянно опиралось на церковных началах, ими поддерживалось и было в связи с ними. Ни одно почти гражданское дело не начиналось без молитвы, благословения и освящения церкви, ни одно здание не начинаемо было постройкою без благословения церковного, храмы Божии воздвигались с большим усердием, нежели простые жилища и последние уподоблялись храмам по наполнению их святынею. А в отношении к просвещению кто как не церковь и православная вера воспитывала Русских с самых времен Ярослава? В удельный период князья русские, занятые междоусобными и внешними войнами, не имели времени, возможности, да и охоты заводить училища, а другие светские люди и тем еще менее могли это делать. Вся тяжесть дела просвещения лежала на пастырях церкви, которым это дело было «поручено Богом». Они одни поддерживали существовавшие и заводили новые училища, они же почти исключительно были и учителями народа и во всяком случае руководителями дела просвещения, когда им ближе всего заведовали так называемые «мастера» грамотности или монастырские келейники и келейницы, они поощряли чтение книг Божественных и руководили этим делом и т.д. Все это, само собой разумеется, давало просвещению характер чисто церковный. Монгольское иго не только еще менее давало возможности светскому правительству заниматься делом просвещения народного, но и у самого духовенства отнимало много времени и средств для заведывания этим делом. Не напрасны были жалобы не только архиепископа Новгородского Геннадия,

жившего в конце XV и начале XVI века, когда Россия едва только освободилась от монгольского ига, но и собора бывшего в 1551 году (Стоглавого), следовательно уже при достаточном укреплении политического бытия России после освобождения из-под ига, на недостаток самого элементарного образования в народе для замещения хотя бы священно- и церковно- служительских должностей. А затем настали смутные времена междоусобицы. Только уже по окончании этого бедственного времени и светское правительство мало-помалу стало заботиться о народном образовании и заводить училища, в сознании необходимости этого дела, о которой давно говорили и постоянно твердили православные пастыри и учителя церкви и о которой, вызванный для суда над патриархом Никоном митрополит Газский Паисий Лигарид сказал прямо царю Алексею Михайловичу: «если бы у меня спросили, какие столпы церкви и государства? – я бы отвечал: во-первых – училища, во-вторых – училища и в третьих – училища; ибо от них, аки от источников, благополучие народное искапает» (С. К. Смирнова, Ист. Моск., сл.-гр.-лат. акад., стр. 6). Но не только все предшествовавшее появлению этих училищ образование было духовное, носило исключительно церковный характер, а и самые эти училища, как южно- и западнорусские, так и Московские, были также духовные и с церковным характером. Петр Великий, с которого начали свое существование светские школы, застал также одни духовные училища. Подтверждением этого служат как учебники и учебные пособия, так и произведения письменности того времени. Да и со времен Петра до начала настоящего столетия самое начальное светское образование, с одной стороны, опиралось также в общем на основах веры, по крайней мере в намерениях правительства, а с другой касалось лишь незначительной части многомиллионного русского народа, именно, как и следовало ожидать, высших и средних классов его. Для низших же классов народа, а равно и для большинства остальных классов его не только во все это время, но и с началом нынешнего столетия, т.е. с учреждением министерств и между прочим министерства народного просвещения, учредившего для низших классов народа приходские школы, до самого конца 1000-летия государственной жизни России училищами по-прежнему были храмы Божии и иноческие обители с школами при них, учителями – пастыри церкви, учебниками – псалтирь, часослов или буквари, в церковном духе составленные, а книгами для чтения – «Божественные» книги, к «печатанью» которых издавна привык народ, в которых любил он почерпать для себя просвещение уму-разуму,

укрепление воле, утешение сердцу, как в радостных, так и в скорбных обстоятельствах жизни своей, равно как и жизни отечества.

Итак подлинно православная вера «паче всего», как говорил приснопамятный святитель Московский Филарет, способствовала ограждению, просвещению и благоденствию России, утверждению в ней спасительного единодержавия, охранению, усилению и сплочению ее народности во все вышеозначенные главнейшие моменты истории русского народа и вообще в течение всего тысячелетия государственной жизни России. Она по преимуществу сделала то, что православие, самодержавие и народность стали таким образом коренными основами, твердыми началами этой жизни. Кто же был посредником всех этих благодеяний веры? Кто был хранителем, носителем и проповедником ее? Кто был проводником истин ее в сознание русских людей? Кто внушал, развивал, утверждал и охранял выработанные под сенью ее сейчас упомянутые начала русской государственной жизни: православие, самодержавие и народность? Ответ прямо вытекает из всего предшествующего: – Церковь русская, в лице ее предстоятелей и представителей, к какому бы сословию ни принадлежали они по своему происхождению, т.е. в лице ее пастырей и учителей, научавших всему этому россиян с помощью тех просветительных средств, которые положены были в основу жизни христианских государств и обществ самим Христом и Апостолами в св. писании и дальше раскрыты Церковью в ее правилах, в писаниях св. отцов и учителей ее, в богослужебных и других церковных книгах, – средств, которые ни у кого из других учителей, кроме пастырей церкви, не могут иметься и не имеются в таком обилии, которые в свое время из Греции перенесены были и к нам в Россию и которыми со столь великой для благоденствия государства и общества пользой питались Россияне во все почти 1000-летие своей государственной жизни. «Со времени принятия христианства, – писал святитель Московский Филарет в начале 1864 года, – и до настоящего времени русский народ не имел других учителей, кроме духовенства. Духовный отец, испытывающий своих прихожан, поучающий их во храме, освящающий их таинствами, молящийся с ними во всех важнейших торжественных случаях жизни, принимающий самое близкое участие в их скорбях и радостях, был и есть самый естественный учитель и начальник сельского училища, и что духовенство оправдало свое призвание наставлением народа, тому доказательством служит вся Русская история. Какая трудности перенес Русский народ! Он перенес трудные времена княжеских междоусобиц,

татарского ига, самозванцев и борьбы с Поляками, а потом Французами; он великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII века и заслужил удивление сдержанностью своей после объявления ему положения 19 февраля 1861 г.⁴ Во всех этих случаях, в течение 900 лет, он имел для всей своей массы одно училище – Церковь, был руководим одним учителем – духовенством» (см. Сушкова. Зап. о жизни и врем. Филарета, стр. 178. Москва, 1868). Духовенство «утверждало в народе православное учение веры и нравственности христианской», а равно, по мере возможности и нужды, «сообщало» ему и другие «первоначальные полезные знания»; оно же возгревало и поддерживало в нем любовь к Царю и Отечеству. Вот поистине громадная, исторически доказанная заслуга церковно-приходской школы в ее исконном типе. Вот ее великое государственное значение, признанное историей и ее выдающимися деятелями⁵. И в сознании этого-то значения православной веры, с ее вечно-неизменной школой – Церковью и служителями ее – пастырями, великий учитель нашей отечественной Церкви, Московский святитель Филарет, по истечении 1000-летия государственной жизни России, вслед за приведенными в начале нашего настоящего рассуждения словами, говорил в речи к Государю Императору, которому Господь судил стать на границе совершившегося и наступившего тысячелетия: «молим Царя веков, Бога, да споспешествует Тебе во всем благом и полезном для России, первее же всего в охранении и на грядущие веки православной веры, охраняющей Россию» (Сочин. Филар. V, 550). – Мудрый святитель уже давно видел те, по выражению его, «распутия» в направлении народного просвещения, на которые и прежде того нередко бросалась известная часть русского общества под влиянием чужеземных учений и на которые в то время, к которому относится упомянутая сейчас речь его, готова была и имела скоро броситься она под опьяняющим влиянием всевозможных преобразований прошлого царствования. Еще в 1838 году, по поводу предположения об открытии начальной школы при Сергиевой Лавре, он писал наместнику, архим. Антонию следующее: «учение грамоте по церковным книгам, без сомнения, пришло к нам из Греции. Думаю, и везде в христианстве так было прежде. Жаль, что суетный век не понял важности сего и сбился с сего пути так, что теперь трудно возвратить от глупых распутий тех, которые более других имеют притязания на просвещение» (Письма Фил. к Антонию I, 306. Москва, 1877). Подобным же образом в своем отчете по Моск. епархии за 1863 год святитель писал: «настоящее время представляется довольно благоприятным для распространения истинного просвещения в народе

чрез умножение хорошо устроенных училищ сельских. Народ, по освобождении от крепостной зависимости, видит пред собою открытыми разные поприща общественной деятельности и более прежнего признает пользу грамотности и желает умножения школ; светское начальство сим озабочено, но сия самая забота служит причиной новой заботы для начальства духовного; ибо есть основание опасаться, что светское начальство такое устройство сообщит новым училищам, которое, по светскому своему характеру, не будет благоприятно действовать на утверждение веры и нравственности в народе. Предполагается образовать особых светских наставников, которым будут вверены училища, а духовенство будет лишь приглашаемо, где заблагорассудит светское начальство, к преподаванию закона Божия. Не говоря уже о том, что такие училища будут дорого стоить, тогда как теперешние училища, руководимые и часто содержимые духовенством, почти ничего не стоят, наставников, требуемых в великом числе, не легко избрать и приготовить, между тем как теперь в священнослужителях представляются люди готовые и свидетельствованные» (Сушкова, Зап. о жизни и врем. Филар., стр. 177–178). В самом деле, если мы обратимся к прошлому нашей истории просвещения, начиная с того времени, как начала свое существование школа светская, т.е. со времени Петра Великого, то не можем не видеть тех уклонений от прямого, истинного пути просвещения, которые святитель Филарет недаром называет «глупыми распутиями». Характерное выражение. Не менее характерно для настоящего случая и другое, вышеприведенное выражение святителя: «преобразовательный перелом начала XVIII века». Именно этот-то «преобразовательный перелом» и был, строго говоря, началом того раздвоения в просвещении России, которое повело к означенным уклонениям, «глупым распутиям». – «Кто бы мог подумать, братцы», – говорил Петр в 1714 году, в Риге, осушая стакан вина на новопущенном корабле, – «кто бы мог думать тому 30 лет, что вы, Русские, будете со мною здесь, на Балтийском море строить корабли и пировать в немецких платьях? – Историки, прибавил он, полагают древнее седалище наук в Греции: оттуда перешли они в Италию и распространились по всем землям Европы. Но невежество наших предков помешало им проникнуть далее Польши, хотя и поляки находились прежде в таком же мраке, в каком сперва были и все немцы, и в каком мы живем до сих пор, и только благодаря бесконечным усилиям своих правителей могли они наконец открыть глаза и усвоить себе европейское знание, искусства и образ жизни. Это движение наук на земле сравниваю я с обращением крови в

человеке: и мне сдается, что они опять когда-нибудь покинут свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, и перейдут к нам на несколько столетий, чтобы потом снова возвратиться на свою родину, в Грецию». Эти слова объясняют увлечение, с которым действовал Петр, и во многом оправдывают его крайности. Любовь к просвещению была его страстью. В нем одном видел он спасение для России⁶, а источник его видел в одной Европе (Киреевского, О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (см., «Московский Сборник», т.1. Москва, 1852). Следуя западным образцам, он хотел сделать и в России то же самое, что видел в Европе. В своем разговоре с патриархом Адрианом он выражал желание, чтобы «из школы во всякия потребы люди, благоразумно учася, происходили: в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство» (Устрялова, Ист. царств. Петра В. III, 511–512). Здесь лежит начало школ так называемых архиерейских, цифирных и профессиональных, с их принудительно-сословным характером, заведенных Петром Великим в России. При этом характерно то, что тогда как такие почтенные и опытные люди, каковы Посошков и Аврамов, советовали Петру улучшить для сего лишь старые школы, оставляя в них учительствовать по прежнему духовенство, и целью обучения полагая, «умножение плода правды и искоренение зла» (Аврамов), Петр решительно отказался от старых школ и порвал с ними всякую связь, следуя вышеизложенным соображениям. Но что же из этого вышло? И 30 лет не просуществовали цифирные и профессиональные школы, тогда как школы архиерейские процветали, благодаря своей связи со старыми школами, которые веками установились. Но главное, за недостатком или пренебрежением родного, древнерусского, Россия наводнилась теперь учителями и воспитателями иностранцами, строй и характер воспитания и просвещения которых был совершенно различен от древнерусского. Правда, чрез это произошло много и хорошего, так как Россия сразу ставилась на ту степень просвещения, на которой стояла в то время далеко опередившая ее, в силу более благоприятных политических обстоятельств, Европа и до которой Россия сама по себе, быть может, достигла бы лишь чрез несколько столетий; да и вообще преемники Петра Великого не успели бы сделать столько в пользу просвещения России, сколько сделали, если бы Петром не подготовлено было для сего более или менее твердой основы. Но все же в этом направлении дела просвещения было больше дурного, нежели хорошего. По почину Петра, в умах русских людей высших и частью

средних классов стало укореняться убеждение, что дотоле на Руси было одно невежество и варварство и что только на западе Европы источник истинного просвещения, что поэтому с иностранцев, а не со своих доморожденных учителей мы должны брать в этом отношении пример, у первых, а не у вторых учиться и т.д. А так как наука на западе шла и идет прогрессивно вперед, то и породилась мысль, что мы – русские должны быть вечными учениками иностранцев. Что же поэтому удивительного в том, что до самого начала настоящего столетия (да и в настоящем столетии отчасти) не только Академия наук и Московский Университет, но и частные пансионы и частные учебные заведения, даже все более или менее зажиточные дворянские семейства были полны, нередко до излишества, иностранцами? Эти иностранцы, по большей части не только не знавшие, но и по самопонятному чувству высокомерия и пренебрежения даже не желавшие знать исторических основ и преданий русского исконного просвещения, конечно могли внушить своим питомцам и ученикам из русских лишь те мысли, убеждения и чувства, которые проникали и наполняли их собственное духовное существо. Мы не имеем времени входить здесь в подробности обсуждения вопроса о существенных, характеристических чертах западно-европейского просвещения в его историческом развитии, равно как и в его отличия от просвещения древнерусского. (Эти подробности можно читать хотя бы в вышеупомянутой статье Киреевского). Мы скажем лишь то, что чрез подчинение русских влиянию западноевропейского просвещения ученики мало-помалу все более и более отторгались от воспитавшей их предков матери-церкви, стали даже пренебрегать ею и ее служителями, а с тем вместе отторгались и от заветов своих предков в отношении к понятиям государственным и народным, усваяя вместо того западно-европейский взгляд на религию, церковь, государство и народность. Отсюда-то возможными оказались в России и протестантские, и римско-католические, и мистические, и революционные и другие бредни, чуждые духа древнерусского просвещения. Отсюда-то многие русские и с добрыми в сущности намерениями в отношении к просвещению себя и других, но воспитанные на началах отчуждения от всего древнерусского, и в литературной, и в политической и в просветительной собственно деятельности своей и по религиозным и по иным вопросам духа возвращались и возвращаются к нам, обремененные чужою ношею, в виде ли более или менее тонкого иноверия или в виде тех или других чужеземных доктрин. И это так сильно въелось, если можно так выразиться, в известную часть нашего общества (так называемую

интеллигенцию), что даже и возникшие во второй, четверти нынешнего столетия стремления к возвращению древнерусских начал просвещения (между прочим в так называемом славянофильстве) не могли доселе излечить вполне, оздоровить самосознание нашей русской интеллигенции. Примеры этого, не говоря о многих случаях прямого обращения русских в латинство или протестантизм – в прошедшем и нынешнем столетиях (Свечина, кн. Гагарин, Голицын и др.), можно было бы привести в изумительно большом числе из обоих столетий и независимо от того. Мистицизм, масонство и пр. в прошедшем и в начале нынешнего столетия; религиозные заблуждения Пашкова, гр. Льва Толстого и других в наше время; либерализм политический, различные чужеземные, нередко сумасбродные педагогические утопии и т. д. в прошлом и нынешнем столетии, забиравшиеся по временам и на правительственную лестницу, – не служит ли все это и подобное ясным подтверждением рассматриваемого нами раздвоения в просвещении русского народа со времен Петра Великого? Обратимся к ближайшему нам делу начального народного просвещения. Между тем как сам Петр, внося западноевропейское образование в Россию, в своих законоположениях по этому делу о крестьянском сословии, – к счастью для России, – даже и не упоминает или, если и упоминает, то запретительно, воспитанные на положенных им началах вздумали просвещать и массу крестьянства, конечно, по своему и с возможным устранением прежних учителей, – духовенства. Уже относительно городских училищ в царствование Екатерины II (1782–1786) историк их, граф Д.А. Толстой, отметил, как существенный недостаток их, «совершенное устранение духовенства от религиозно-нравственного образования народа (Истор. Вестн. 1887 № 6, стр. 690). А какое сами новые просветители давали образование народу, это видно, не говоря о многом другом, уже из законоположений по начальному народному образованию, изданных в начале нынешнего столетия, с учреждением министерств и открытием их действий. Помимо добрых и вполне целесообразных сторон этих законоположений, утвердивших право существования «приходских училищ» со священником во главе, уже и здесь между учебными пособиями упоминается «краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, о сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья» (пункт 132. См. в 1 томе «Сборника постановлений по минист. нар. просв.» стр. 332. Спб. 1864), так как и целью этих училищ полагается не утверждение веры православной и нравственности христианской, а следующее: «1) чтобы приготовить юношество для уездных училищ, если

родители пожелают, чтобы дети их продолжали в оных учение; 2) чтобы доставить детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физическом и нравственном отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия, предрассудки, действия коих столь вредны их благополучно, здоровью и состоянию (там же, п. 119 стр. 330). Очевидно уже и тогда имели силу те педагогические утопии, имевшие в виду с одной стороны едва не подготовить крестьян к университетскому образованию, а с другой – начинить ум простого нашего православного народа совершенно ему не нужными, однако же способными произвести в нем надмение и возбудить другие дурные инстинкты полупознаниями, которые за последнее двадцатипятилетие, благодаря «педагогическому колобродству барона Корфа и всей однородной с ним плеяды наших знаменитых педагогов с их патентованными министерством и учебными руководствами» (Русь, 1884 №19), царили, да и доселе имеют силу в наших народных школах светского ведомства. К счастью, эту «роскошь полупознаний», как сказано в Высочайшем манифесте 13 июня 1826 года, в силу этого самого манифеста, устранил устав средних и низших школ ведомства министерства народ. просвещения, изданный в 1828 году. Правда, и в это более трезвое время, т.е. в тридцатилетие царствования императора Николая Павловича (1825–1855), бывали случаи, что представители министерства народного просвещения «хотели духовенству приходскому запретить учить грамоте, если не выпросит кто позволения от светского начальства и не подчинит себя надзору директора училищ», так что, «не без труда отражено сие приращение», по словам святителя московского Филарета (Письма к Антонию I, 225; срав. другие случаи подобного рода в Чтен. в общ. истории и древн. 1876: II, стр. 55–56 отд. «смесь»; – Душепол. Чтен. 1879: II, 127 и др.): однако в сущности во все это время, даже и при открытии в 1842 г. училищ ведомства Министерства Государственных имуществ, дело начального народного образования шло по-прежнему. Но вот наступила пора реформ прошлого царствования. С самого вступления на престол блаженной памяти императора Александра Николаевича поднялся вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости, а вместе с тем и вопрос о подъеме народного образования в большей против прежнего мере. Толки о передаче начальной народной школы в исключительное ведение светского управления стали все слышнее и слышнее. Разных проектов по этому делу писалось множество. Для обсуждения всего добытого путем разностороннего исследования вопроса о начальном народном образовании учрежден быть особый

центральный в Петербурге комитет. О действиях этого комитета мы имеем краткую, но по обычаю сильную заметку святителя московского Филарета, некогда имевшего возможность «отражать приращения» светского ведомства, а теперь уже не имевшего сил бороться так же успешно со стремительным напором потоков времени. «Был комитет о сельских училищах, – читаем в его письме к наместнику Лавры Антонию от 5 февр. 1862 года, – и полагал, чтобы они были светские. Один член его, князь Урусов, подал мнение, что надобно сие поручить духовенству. Говорят, что его мнение доведено было до сведения Государя, и одобрено. Но пришел новый министр просвещения ² и, говорят, уже решено, чтобы сельские училища были светские, и назначен на них миллион рублей. Нам оказана одна милость: не запрещено священникам сохранить свои училища, без всякой им помощи (Письма к Ант. IV, 332–333. М. 1884). Это было как раз пред временем празднования 1000-летия России. При этом невольно припоминаются слова того же святителя, приведенные нами выше и относящиеся к началу 1864 года, в которых он, уже имея в виду передачу сельских училищ в светское ведомство, выражается так: «есть основание опасаться, что светское начальство такое устройство сообщит новым училищам, которое, по светскому своему характеру, не будет благоприятно действовать на утверждение веры и нравственности в народе». И подлинно так случилось. Опасения прозорливого старца-святителя сбылись. Один из сторонников мысли о передаче начальных народных училищ из духовного в светское ведомство о самом факте этой передачи, совершившемся после учреждения земств (в 1864 г.) и других самоуправляющихся единиц, высказался недавно так: «новая заря засияла над Петербургской школой лишь с того времени, когда приходские училища были, наконец, переданы в ведение столичной думы» (см. Семенова в «Рус. Стар.» за 1887г. № 9, стр. 690). Мы не разделяем таких светлых надежд, таких воззрений на дело этой передачи. Мы, наоборот, видим в ней как бы закат солнца, сиявшего в течение целого почти 1000-летия над Россией в ее народном просвещении. И как в начале первого 1000-летия государственной жизни России над умами сынов ее носилась тьма невежества до просвещения ее светом веры, так и в начале второго 1000-летия той же ее жизни на горизонте ее появилась тьма, в гораздо большей по сравнению с прежним мере покрывшая умы многих сынов ее. «Мы дожили, – писал в том же 1862 году святитель московский Филарет, – до какого-то туманного времени. Мгла покрывает умы. В одних видишь неожиданное, в других не видишь ожидаемого.» (Письма Ф. к А.Н. Муравьеву, стр. 597. Киев, 1869). «Чрезмерно размноженные светские

повременные издания, писал он же официально в начале 1864 года, характеризуя плоды современного ему светского просвещения усиленно распространяемые в народе, не благоприятно действуют даже тем, что возбуждают и питают не столько истинную любознательность, сколько бесплодное любопытство; дают много чтения приятного и занимательного, но мало назидательного, доставляют познания отрывочные, смешанные, сбивчивые, но с тем вместе поглощают внимание и время, отвлекают от чтения книг основательных, делают умы поверхностными и ленивыми для глубоких размышлений о важнейших предметах знания. Такое направление литературы вредно для религиозной, нравственной и гражданской жизни обществ; но зло происходящее от современной литературы на этом не останавливается. В литературных произведениях и легкого и серьезного содержания, даже представляемых в учебное руководство юношеству, Божественное откровение подвергается сомнению, священные предания унижаются до сравнения с баснями, правила христианской нравственности и установления церковные не уважаются, усилие дать основание неверию в чудеса доходит до того, что проповедаются баснословные ученые нелепости, как например в переведенной книге Циммермана⁸ утверждается, будто скиния свидения была не иное что как большая электрическая машина⁹ (Сушкова, Зап. о жизни и врем. Филар. стр. 174–175). Вместе с тем и по связи с тем имевшие ближайшее отношение к бывшему тогда животрепещущим вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости «повсюдные», неумолкные не столько рассуждения, сколько не обдуманые и не определенные провозглашения о свободе оказали, – как писал тот же святитель еще в 1860 году, – такое влияние на обучающихся в светских училищах, что наставляемые присвоят себе права быть свободнее своих наставников и полномочнее начальников; и сие не раз и не в одном месте открывалось в действиях, о которых не приятно было бы, но и не нужно говорить, потому что, к сожалению, оные очень известны¹⁰. Новейшая литература, которая порицает все, и в том числе и училища, и учителей, и учебные книги, и уставы, и распоряжения, и распорядителей, и начальников, и судей, получила такое распространение, что проникает всюду, если не в двери, то чрез преграды и сквозь щели» (Собр. мнений и отзывов Филар. т. IV, стр. 575. Москва, 1886). Это ли не мгла? Это ли не тьма духовная? Это ли не гнилые плоды гнилого западного мира? Невольно при этом в душе благомыслящих людей возникала мысль о сопоставлении духа того времени с духом времени конца XVIII столетия, столь печального в жизни европейского

общества, служившей образцом для подражания известной части русского общества. «Вид литературы в настоящее время, – писал еще в 1857 г. святитель Филарет, – предлагает пронизательному начальству вопрос: нет ли соумышления, которое старается все уважаемое в обществе привести в презрение и поколебать убеждения веры и нравственности, чтобы легче превратить все в демократический хаос»? (Там же, стр. 296). «Печальное зрелище представляет, и еще более печальные опасения внушает, – писал он затем в 1860 г., – порицательная и кощунственная литература, столько же, если не более, необузданная и распространенная, как в известном европейском государстве ¹¹ прошедшего столетия, где она оказалась разрушительною. Звания, должности, лица, – все подвергается жестоким порицаниям и изображается в безобразии до невероятности преувеличенном и исполненном клеветы». (Там же, стр. 513). Между прочим и разрушение духовенства, – как писал тот же святитель в 1862 году, – было одною из целей действования подземных людей (Письма Ф. к Ант. IV, 351). – Почему? – Понятно; потому что оно, со своей многовековой просветительной миссией, с своими «Божественными книгами», столь не похожими на светские, стояло поперек дороги вожакам разрушительного направления, насквозь пропитанным западно-европейскими идеями и влиянием. Но тогдашнее внушало еще большие опасения на счет будущего. Имевшее отношение к освобождению крестьян от крепостной зависимости широкое развитие и применение к жизни всех сословий начала самоуправления давало вожакам и сторонникам разрушительного (отрицательного, нигилистического) направления широкий простор к тому, чтобы совершать свое «хождение» и в простой народ для посева и в нем своих плевел. Эти вожаки знали хорошо, что крестьяне взрослые, вековым научением и воспитанием в лоне Церкви, настроены далеко не в пользу их и идей ихних и что поэтому с ними справиться было невозможно. Тогда они взялись за молодое поколение крестьянства, за его перевоспитание в духе своих идей, за народную школу. «Когда взята будет школа, – писал один из них (Писарев), – тогда победа будет упрочена, таракан будет пойман» (Моск. Вестн. 1884 г. № 347). И они не ошибались. Относительно земства и других самоуправляющихся единиц, которым вверялось между прочим народное образование, они были уверены, что не встретят в них препятствия исполнению своих поистине губительных планов. Все эти самоуправляющиеся единицы, по разношерстному и многочисленному составу своему, представляли собою мутную воду, в которой им удобно было ловить рыбу. Дворянство, в большинстве своем воспитанное также

по западным образцам, а иногда прямо иностранного происхождения, – они это хорошо знали, – если не сочувственно отнесется к их деятельности, то в общем не обнаружит и сильного противодействия. Лица же, занимавшие правительственные должности, они запугивали так называемым «общественным мнением», образчики которого можно было видеть в вышеприведенной, начертанной рукою святителя Московского Филарета, характеристике повременной литературы. Этим же способом производили они давление и на лица, стоявшие ближе других к Престолу Царскому, влияли на перемены в светской правительственной иерархии, на редакцию тех или других законоположений и т.д. Под таким в значительной степени влиянием последовали напр. законоположения о земских и судебных учреждениях, о расширении прав самоуправления (децентрализация власти) и т.д. Под таким же отчасти влиянием изданы были и положения о начальном народном образовании как в 1864 году, так и в 1874 году. Если в 1864 году, когда еще жив был великий святитель Московский Филарет, мнения которого в некоторой мере принимаемы были в расчет при составлении тогдашних положений о начальных народных училищах, духовенство уже в значительной мере оттиралось от этих школ с предоставлением большого участия земству и вообще светским властям: то в 1874 году, когда святителя Филарета уже не было в живых, еще более отстраняемо было духовенство от участия в этом своем важном и вековом деле. Место духовенства в наблюдении за школами и за направлением учения в них заняли члены от земства и представители дворянства, место того же духовенства в ведении самого школьного дела заняли во многих местах стриженные особы женского пола и не стриженные, но зато не чесаные особы мужского пола, относившиеся обыкновенно, если не враждебно, то с презрением к церкви, ее служителям и к церковным книгам (главным образом к Часослову и Псалтири), по которым издавна учился грамоте русский народ во всех его слоях. В связи с тем и в силу того церковно-приходские школы, которых число к 1864 году возросло было до 20 с лишком тысяч с 400 тысяч с лишком учащихся в них, с 1865 года стали уменьшаться в своем числе с поразительной быстротой, или же обращаемы были в земские и министерские. Духовенство приглашаемо было только к преподаванию Закона Божия, да и то там, «где заблагорассудит светское начальство», по выражению святителя Филарета. А то так и Закон Божий поручаем был светским учителям. Наконец в печати такие педагоги, как покойный барон Корф, ставили на карту даже такой вопрос: «быть или не быть Закону Божию в народной школе?» (газета «Земство» за 1882 г.). Вот до чего дошло дело.

Это ли не мгла? Это ли не тьма духовная? Это ли не отголосок того, что недавно было слышно из одной страны западного мира. По основным законам Государства Российского, «Император, престолом Всероссийским обладающий, яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния» (Свод Закон. т. 1 осн. зак. ст. 42). Ввиду этого-то великий святитель Московский Филарет, как мы помним, в речи к Государю Императору Александру Николаевичу и говорил: «молим Царя веков, Бога, да споспешествует Тебе во всем благом и полезном для России, перее же всего в охранении и на грядущие веки православной веры, охраняющей Россию». Твердо памятуя заветы своих предков и как бы вполне сочувственно отзываясь на это молитвенное благожелание маститого старца-святителя, Государь Император Александр Николаевич, в рескрипте своем от 25 декабря 1873 года на имя министра народного просвещения высказывал следующие знаменательные и достопамятные слова: «Я надеюсь, что значительное размножение народных училищ, распространит в селениях, вместе с грамотностью, ясное разумение Божественных истин учения Христова с живым и деятельным чувством нравственного и гражданскою долга. Но достижение цели, для блага народа столь важной, надлежит предусмотрительно обеспечить. То, что в предначертаниях Моих должно служить к истинному просвещению молодых поколений, могло бы, при недостатке попечительного наблюдения, быть обращено в орудие растления народа, к чему уже обнаружены некоторые попытки, и отклонить его от тех верований, под сенью коих, в течение веков, собиралась, крепла и возвеличивалась Россия. – Как лицо, призванное Моим доверием к осуществлению Моих предначертаний по части народного просвещения, вы усугубите всегда отличавшее вас рвение к тому, чтобы положенные в основу общественного воспитания начала веры, нравственности, гражданского долга и основательность учения, были ограждены и обеспечены от всякого колебания. Согласно с сим, Я вменяю в неременную обязанность и всем другим ведомствам оказывать вам в сем деле полное содействие. – Дело народного образования в духе религии и нравственности есть дело столь великое и священное, что поддержанию и упрочению его в сем истинно благом направлении должны служить не одно только духовенство, но и все просвещеннейшие люди страны. Российскому дворянству, всегда служившему примером доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежит о сем попечение. Я призываю верное Мое дворянство стать на страже

народной школы. Да поможет оно правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний. Возлагая на него и в сем деле Мое доверие, Я повелеваю вам, по соглашению с министром внутренних дел, обратиться к местным предводителям дворянства, дабы они, в звании попечителей начальных училищ в их губерниях и уездах и на основании прав, которые им будут предоставлены особыми о том постановлениями. способствовали ближайшим своим участием к обеспечению нравственного направления этих школ, а также к их благоустройству и размножению» (Моск. ведом. 1873 г. № 327). Как ясно и верно указаны в этом рескрипте коренные основы народного образования! Как ясно указана и мера участия тех или других сословий страны в этом образовании. Справедливо сказано по поводу этого Высочайшего рескрипта в передовой статье Московских Ведомостей за 1874 г. №9: «Слово Монарха упомянуло о духовенстве прежде чем коснулось дворянства; но не было надобности призывать духовенство к ближайшему наблюдению за народной школой. Духовенство уже призвано к этому делу властью не от мира сего. Учительство есть неотъемлемая принадлежность Церкви, и народное просвещение не может оставаться делом ей чуждым. Ее предстоятели и служители призваны не только к охранительному и внешнему, но к внутреннему и деятельному в ней участию. Им предлежит не только быть на страже народной школы, но и действовать в ней. Одной из главных задач, при дальнейшем развитии нашей народной школы, должно быть приведение ее в более плодотворную связь с церковными учреждениями». Так нужно было понимать приведенные слова Высочайшего рескрипта и так понимали их истинно русские люди. Но не так поняли и захотели истолковать их люди, воспитанные на чужеземных началах и учениях о самоуправлении в их различных видах, о клерикализме и прочих нелепостях западного гнилого мира. Чтобы не увеличивать объема нашего настоящего рассуждения балластом отзывов так называемого «общественного мнения», сказавшегося особенно в периодических изданиях западнического направления, мы укажем лишь на существенно необходимое последствие того рескрипта – на самое законоположение о начальных народных училищах, изданное менее нежели чрез полгода после объявления слов этого рескрипта, именно 25 мая 1874 года. При этом опять приходится сказать вместе со святителем Московским о том, что в редакции законоположения оказалось нечто неожиданное и не оказалось ожидаемого: стоявшему во главе всего рескрипта, т.е. «ясному разумению

Божественных истин учения Христова с живым и деятельным чувством нравственного и гражданского долга», дано место в туманной дали; а то, что стояло в конце рескрипта т.е. речь об участии дворянства и других просвещенных людей страны в деле начального народного образования, поставлено в основу всего законоположения и проникает все части его. По связи с этим духовенство, о котором «слово Монарха упомянуло прежде, чем коснулось дворянства», в законоположениях отодвинуто еще далее на задний план, как мы заметили выше, нежели в законоположениях 1864 года, и за то, наоборот, дворянству и представителям бессловных самоуправляющихся единиц предоставлено не только «охранительное и внешнее» (хозяйственное напр.), но и некоторым образом «внутреннее и деятельное» участие в означенном деле; связь народной школы «с церковными учреждениями» не только сделана «более плодотворною», но и едва не совсем порвана и т.д. Подтверждение всего этого фактами собранием Общества любителей духовного просвещения отчасти выслушано было уже года два с половиною тому назад¹². Теперь мы обратим внимание общества на некоторые другие стороны дела и раскроем дальнейший ход и положение самого дела, важность которого не подлежала и не подлежит сомнению. Мы спрашиваем: можно ли было ожидать много доброго от такой постановки дела начального народного образования? Кто, вместо духовенства, стал иметь ближайшее участие в этом деле? Кто становился во главе народной школы в качестве учителя и руководителя ее? – По большей части люди, так называемые передовые, т.е. насквозь пропитанные чужеземными взглядами и учениями (а нередко и прямо иностранцы и по имени и происхождению), часто исполненные дешевого либерализма, а иногда и даже прямо нигилисты по образу мыслей, каковы напр., были некоторые учителя и учительницы, как то не скрывает и Высочайший рескрипт от 25 дек. 1873 года и самые законоположения 1864-го (ст. 24 п. 7) и 1874-го (ст. 11) годов. При этом «свете» народного просвещения, как очевидно, «таракана» ловить было очень удобно¹³. Цель вожаков нигилизма была легко достижима. В самом деле, мы не упоминаем уже разных либеральных представителей или сторонников мысли о бессловности, которые наполняли собою земские собрания, городские и иные самоуправляющиеся учреждения и, как передовые люди, кричали там больше всех, заглушая голоса тех, которых они же называли отсталыми, рутинерами и т.п. кличками; не говорим также о стриженных и нестриженных особах обоего пола, руководивших школою народною, бросавших грязью в приходское духовенство и не

подпуславших его к школе, водивших детей – учеников и учениц в праздничные дни, вместо церкви, в поля и луга для открытия им тайн «мироведения», пичкавших их, вместо Божественного учения, побасенками, поговорками и прибаутками, а вместо церковного пения, плясовыми и другими песенками и под. Не говорим обо всех этих, которые если и выходили от нас, то не были от нас; а обратим внимание далее на самое дворянство в значительном числе его представителей не только инославных, но и православного по имени вероисповедания христианского и вообще на высшие классы нашей страны. Доблестное на службе царю и отечеству в деле ратном, гражданском и т.д., вообще достопочтенное во многих других отношениях, даже дворянство, говорим, – не было (исторически), да и не могло быть достаточным заменителем духовенства в деле начального народного образования в исконном направлении сего последнего. В старину оно всегда только училось у духовенства и за это отплачивало ему материально, «давало», по примеру Ярослава, «от имения своего урок», но само не учило народ даже и тогда, когда, помимо ли или с помощью духовенства, получало высшие сведения в светских науках. С Петра Великого положение изменяется. Между тем как духовенство мало-помалу различными способами принижается и ограничивается как в материальном обеспечении, так и в своей деятельности, дворянство, теперь все более и более пополняемое в своем составе многими иностранцами, принимавшими русское подданство, также мало-помалу, хотя по большей части и насильственно в начале, возвышаясь в степени своего образования, получает и расширение своих прав, утвержденных потом жалованною грамотою 1785 года. Между прочим такое направление внутренней политики русского правительства видно и в интересующем нас деле народного образования, как то отчасти мы уже видели выше: духовенство все мало-помалу оттиралось от этого дела, а дворянству давались все более и более широкие в нем права. Но изменилось ли положение дела по существу? – Нисколько или очень мало. Дворянство не только в прошедшем, но даже и в нынешнем столетии, за немногочисленными счастливыми и отрадными исключениями, – которые, конечно, не могут идти в общее правило, – могло вполне сочувствовать, – и сочувствовало, – могло различным образом содействовать, и подлинно содействовало народному просвещению, – его заслуг по этому важному делу никогда не забудет Россия; – но не могло настоящим образом и во всех отношениях просвещать простой народ, руководить его просвещением, вообще заменить для последнего в этом отношении духовенство. Оно в общем не имело для сего прочных основ в своем

воспитании, о характере которого мы уже знаем из вышесказанного. При таком воспитании (по иностранным началам и образцам) дворяне, родовитые ли то или по времени приобретшие дворянство своей службой, часто, – нужно сознаться, – знали хорошо французский и другие иностранные языки, а своим родным славяно-русским языком владели плохо и даже нередко пренебрегали им, убеждений своих не имели, а мнения и взгляды меняли сообразно веяниям ветра западных учений; – образ жизни по иностранной моде наблюдали, а от древнерусской церковности удалялись и т.д. Основанием просвещения было искони и доселе остается грамотность. Но и тут чужеземное влияние в воспитании руководящих классов нашего народа сделало свое дело. Издревле основанием грамотности на Руси была азбука церковно-славянская, изобретенная св. Кириллом и Мефодием. На церковно-славянском языке были у нас священные, богослужебные и другие церковные книги, составлявшие круг книг для чтения народа и воспитывавшие наш народ. Отсюда и все другие рукописные, а затем и печатные книги, составлявшиеся на Руси, не только по содержанию, но и по языку приближались к священным и церковным книгам¹⁴. Но вот Петр Великий ввел русскую азбуку, взяв для нее за образец господствовавшую на западе латиницу. Затем под влиянием усилий некоторых русских писателей, особенно Карамзина, стал шлифоваться, так сказать, русский язык, опять по образцу языков западных, главным образом французского. Однако, благодаря чужеземным началам, руководившим многими деятелями этой шлифовки, и здесь произошло своего рода «безначалие», которое так нравилось «разрушителям» всего старого. «С некоторого времени, писал еще в сороковых годах великий святитель Московский Филарет, в области русского слова распространяется род безначалия, невнимания к принятым прежде правилам, неуважение к признанным прежде образцам, – под видом народности и общепонятности, развивается направление не к народности чистой, благородной, правильной, но к простонародности смешанной, низкой, неправильной. Как одного из вредных последствий сего направления, если не удастся исправить оно, надлежит опасаться того, что язык под пером писателей, а затем и в устах народа быстро уклоняться будет от славянского церковного наречия, что прекрасный, сильный, проникнутый духом христианского учения церковный богослужебный язык сделается наконец вовсе непонятен присутствующим при Богослужении... Если государство по справедливости заботится о том, чтобы язык государства возмогал над языками разноплеменных

подданных: менее ли заслуживает заботы то, чтобы язык церкви не сделался наконец языком чужестранным чрез своенравное нимало не нужное от него удаление языка народного?» (Государ. учение Филарета, м. Моск, стр. 114–115. М. 1883). К сожалению, это уже и оказалось, притом опять поначалу в высших, руководящих классах народа, как и следовало ожидать от начал их воспитания. «Знание славянского языка, – свидетельствовал в 1856 году другой великий святитель Русской церкви, Филарет, митрополит Киевский, – в простом народе гораздо лучше сохраняется от того, что он усерднее посещает Богослужение и внимательнее слушает церковное пение и чтение, и весьма многие, даже из неграмотных, знают наизусть много псалмов и песней церковных, а слабо это знание преимущественно в высшем классе, по пристрастию к иностранному, по редкому и невнимательному слушанию Богослужения, а главнее всего от того, что дети сего класса начинают учиться не по славянским азбукам, а по русским» (Филар. Юбил. Сборн. II, 389–390. М. 1883). И если для простого народа вопрос о том, «что такое же за ны в Верую» (Соврем. Известия 1887 № 240) мог быть вопросом лишь разве под условием бестолкового чтения символа веры: то в дворянских семьях, по свидетельству самих же дворян, иногда интересовались узнать, что это за «жезаны» такое (см. Салтыкова-Щедрина, Пошехонская старина в «Вестнике Европы» 1887 №10 стр. 623), вероятно, потому, что в этом выражении предполагали искажение какого-нибудь французского слова. Да к тому же если еще интересовались этим, или если иногда еще спорили о том, что такое за «жеможаха» такая, упоминаемая в тропаре на Преображение Господне, – сияние, что ли, особенное (там же): так это было отчасти добрым признаком. Чаше же всего бывало так, что всем этим и подобным просто пренебрегали или издевались над этим. Еще менее отрадного в том же отношении можно было ожидать от большинства сторонников мысли о бессловных самоуправляющихся единицах, которые не имели под собою не только дворянской, а нередко и никакой родной почвы. Поэтому не удивительно, если такие и подобные люди, выступив, благодаря законоположениям 1864 и 1874 гг., в качестве общественных деятелей на поприще народного просвещения, говорили напр. так: «в так называемых церковно-приходских школах не учат, а развращают крестьянских мальчишек: их не развивают, а забивают, их учат верить во все старинные поповские сказки и строго держаться всех суеверий и предрассудков.... Да оно и понятно: судите сами, господа, – кто там учит, чему учит, как учит и почему? Там учат попы и попадьи и старые

поповские девы, дьяконы, дьячки и дьячихи, учат по старинной методе: аз, буки, веди... учат по букварям и псалтири... Ну, разве это школы, где такое учение?... Существование таких школ равносильно не существованию никаких. Итак, господа, у нас школ нет, и попы напрасно самозванно выставляют себя ревнителями народного образования, сочиняя свои отчеты об этих в сущности не существующих школах» (свящ. М. Бурцева, Судьба одной ц.-прих. школы, стр. 1–2. Тула, 1879). Или: «у меня в районе школ нет, сказал один земский деятель: а в те школы, какие вы называете школами, я сочту за унижение для себя, за позор для своего звания когда-нибудь ступить ногою... Там учат безграмотные попадьи, пьяные дьячки, дьяконы и попы, и я буду слушать их болтовню?... Да и вообще, господа, я никаких сельских школ не признаю... Я признаю школу в двух видах: гимназия и университет. Гимназия учит, а университет дает направление, сельская же ваша школа забивает головы мальчишек и развращает их ум, уча их слепо верить попам и библии»... (Там же, стр. 2) ¹⁵. Или на страницах периодических изданий высказывали такие слова: «многие готовы едва не все учебные часы в приходской школе уделить воспитанию, которое они называют религиозным и которое теперь ¹⁶ выражается в этих школах бестолковым долблением Псалтири и Часослова, или буквальным заучиванием из книги догматов ¹⁷ и т.п. Разве такое мучение десятилетних детей можно назвать религиозным воспитанием? Не скупитесь поэтому дать больше времени науке светской; она свет и закрывать его от детей антирелигиозно. Если вам желательно, чтобы крестьянин более обширно знал догматы и требования религии, учите его тогда, когда у него есть для этого нужные устои, а в детской школе этому не может быть места»... (Цитату см. в «Церковно-Общ. Вестнике» за 1885 г. №97)... Это ли не мгла? Это ли не тьма духовная? При этом ли «свете светской науки» нельзя было ловить «таракана» сторонникам разрушительного направления? И они удачно ловили. В течение почти 25 лет они успели достаточно поразвратить молодое поколение крестьянства, достаточно поудалить его от церкви и предания родной старины. Так как из народных школ светского ведомства, за немногими исключениями, церковнославянский язык был почти изгнан, то в народе быстро стали пропадать знание и разумение церковно-богослужебного чтения и охота к нему, а чрез это поселялось равнодушие к церкви Божией, к службам церковным, к уставам церкви и ее внушениям. Не получая в детстве твердых основ христианской жизни, а питаясь лишь одними побасенками да прибаутками, сказками и нередко сомнительного в нравственном отношении содержания рассказами, получая поверхностные знания едва

не из всей энциклопедии наук, а не зная того, что есть единое на потребу (Лук. 10:42), народ в его молодом поколении, стал заметно уклоняться от чистой веры и нравственности. Сомнение в самых основных истинах православной веры, склонность к увлечению в штунду напр., раннее знакомство с пороками, о которых прежде в молодые лета и не снилось крестьянству, частые разводы, непочтение к родителям, доходящее иногда даже и до убийства последних из-за денег, нужных для удовлетворения каких-либо страстей и под., наконец участие даже в политических преступлениях, стали чаще прежнего повторяться, как можно видеть по газетам, в которых, конечно, многое и не печатается. Все эти и подобные явления поистине мрачной полосой ложатся на фоне истории нашего народного просвещения за рассматриваемое время. – Но доколе не возобновились утихшие было с 1867 года покушения на жизнь священной особы Государя Императора, об изменениях такого не нормального положения дела народного образования, долженствовавшего служить опорой благоденствия государства, в светских правительственных сферах не поднималось почти и речи. И только в 1879 году, когда, как известно, возобновились эти покушения, – дело тех же «подземных людей», о которых было говорено выше, – в комитете министров подвергнут был обсуждению поставленный особым совещанием вопрос о предоставлении православному духовенству надлежащего влияния на народное образование. При этом «Комитет выразил единогласное убеждение, что духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведывании народными школами и если достижение сего ныне на практике затруднительно, то оно, в возможно близком будущем, должно быть поставлено целью согласованных к сему стараний министерства народного просвещения и духовного ведомства» (Отчет Об.-прок. Св. Син. за 1883 г. стр. 57–58. Спб. 1885). Несмотря однако на это, нужны были иные и притом более тяжкие удары и испытания, чтобы подвинуть это дело ближе к осуществлению. 5 февраля 1880 года и особенно 1 марта 1881 года были такими событиями, такими сильными толчками и страшными уроками, после которых медлить было уже невозможно. И вот, после вторичного обсуждения вышеупомянутого вопроса в комитете министров в конце 1881 года, с 1882 года открыла свои действия особая Комиссия при Св. Синоде, под председательством синодального члена, архиепископа Варшавского Леонтия, имевшая задачей своей разрешить этот вопрос. Результатом занятий этой Комиссии

был «проект положения о церковно-приходских школах» с объяснительной к проекту запиской, в которой, кроме суждений о предметах относящихся к церковно-приходским школам, указаны были мероприятия к обеспечению за духовенством надлежащего влияния на народные школы светских ведомств и частные мероприятия на пользу просвещения народа в духе церковности» (там же, стр. 60). Согласно с этим проектом «Правила о церковно-приходских школах» имели целью «дать церковно-приходским школам устройство самостоятельное, не зависящее от колеблющихся мнений о предметах начального обучения; поставить их в неразрывную связь с Церковью и установить для них простую, твердую и сочувственную народу программу учения; установить правильный над ними надзор и поставить с ними в связь мелкие крестьянские школы грамотности, кои сами собою возникали и возникают в отдаленных деревнях и селениях; привлечь к ним участие и заботу местных церковных попечительств и отдельных лиц, сочувствующих делу начального образования в деревне; способствовать по возможности поощрению тех лиц духовного и светского звания, кои посвящают труды свои этому скромному, но важному делу (Отчет Об.-пр. св. Синода за 1884 г. стр. 22–23. Спб. 1886). Когда Обер-Прокурор св. Синода (К.П. Победоносцев) доложил о сем Государю Императору, то Его Величеству благоугодно было в 13-й день июня 1884 года на докладе его начертать следующие незабвенные слова: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле» (там же, стр. 23). После этого решительного выражения воли Самодержавного Монарха дело и положение его изменилось. Министерство народного просвещения теперь уже сочувственно отнеслось к призыву возлюбленного Монарха и в циркулярном указе к попечителям учебных округов от 24 июля 1884 г. за № 10370 министр просвещения (И. Д. Делянов), ясно выражая и верно толкуя мысль Монарха, прежде всего открыто признал ту истину, что духовенство «с первых времен основания Русского Государства стояло во главе распространения образования в народе», а затем внушал подведомым ему начальникам отдельных учреждений и другим деятелям на поприще просвещения народного прямо и бесповоротно следовать воле Монарха содействием духовенству в его новом, но по существу старом деле того же народного просвещения. Недавно изданный (приложением к 9-й кн. журнала Минист. Нар. Просв. за 1887 г.) «Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства мин. нар. просвещения» также ясно обнаруживает намерение министерства содействовать осуществлению той же благой цели. Тогда

как в прежнем подобном каталоге (1876 г.) нигде не упомянуты даже в числе «допущенных к употреблению в начальных народных училищах» такие книги, как Псалтырь, Часослов, Начальное учение человеком хотящим учиться книге Божественного Писания и под., в этом каталоге на них указывается в самом начале. Содействие теперешнего министерства духовному ведомству выражается и в других отношениях. Равно также и земства наряду с другими различными органами самоуправления, после изъявления воли Монарха, несколько поприостановились в своем шествовании по прежнему пути начального образования народа. И хотя многие представители земств, городских обществ и т.д., пропитанные насквозь духом западничества, с 1884 г. доселе не переставали и не перестают и в земских собраниях и в думах и в периодической печати и т.д. кричать против этого, а в последнее время особенно против «поглощения» церковно-приходской школой земской и министерской, как они выражаются (см. напр. Вестн. Евр. 1887 № 11, стр. 387): однако голоса их уже гораздо сдержаннее прежнего. Многие земства и другие органы самоуправления, напротив, с 1885 года поспешили примкнуть к министерству просвещения обращением земских и городских начальных школ в церковно-приходские, денежными и другими воспособлениями последним и под., а не то так внутренним преобразованием своих начальных школ «в духе самого строгого согласования их с направлением церковно-приходских школ, в самом близком единении их с Церковью» (см. Правосл. Обозрен. 1887 г. № 2, стр. 407; срав. также № 44 Моск. Церк. Ведом.; №№287, 299 Моск. Ведом за тот же год и др.).

Да и в силу чего еще доселе многие восстают против усиления значения церковно-приходских школ, особенно в том их виде, какой определяется начинающимися с 1884 года законоположениями о них? После всего сказанного доселе справедливым основанием к тому могло бы служить только то, если бы они 1) не воплощали в себе типа древнерусской народной школы, с такою пользою послужившей благоденствию Государства Российского в течение всего почти 1000-летия существования последнего; 2) в то же время чуждались всякого полезного приобретения и преуспевания в области науки воспитания и обучения и 3) не опирались на вышеозначенных трех началах русской государственной жизни: православию, самодержавию и народности, не провозвещали, не утверждали и не охраняли эти начала. Но ни того, ни другого ни третьего нет. Напротив:

1) Новые церковно-приходские школы верно сохраняют и воплощают в себе тип древнерусской народной школы. В пользу этого говорит прежде

всего уже самое название их «церковно-приходскими», указывающее на их основной характер – церковность, связь с Церковью и духовенством. «Церковно-приходскими школами, – читаем в самом первом параграфе правил о них, – именуются начальные училища открываемые православным духовенством». – «Приходские школы, – читаем в §9 тех же правил, нераздельно с церковью, должны внушать детям любовь к церкви и Богослужению, дабы посещение церкви и участие в Богослужении соделалось привычкой и потребностью сердца учащихся. В воскресные и праздничные дни учащиеся должны присутствовать при Богослужении, а способные, по надлежащей подготовке, должны участвовать в церковном чтении и пении. Ежедневные учебные занятия начинаются и оканчиваются молитвою». §10: «Обучение в церковно-приходских школах производят местные священники или другие, по соглашению, члены причта, а равно особо назначаемые для того, с утверждения епархиального архиерея, учителя и учительницы, под наблюдением священника». §11: «Наставление в правилах веры и преподавание закона Божия относится к прямой обязанности священника. Если в составе причта есть диакон, то преподавание закона Божия может быть предоставлено и ему» и только «в особых случаях, с разрешения епархиального архиерея, преподавание закона Божия может быть предоставлено членам клира или благонадежному учителю из лиц, не принадлежащих к составу клира». Но посмотрите, кто главным образом и эти последние лица! §12: «Учительские должности в церковно-приходских школах замещаются преимущественно лицами, получившими образование в духовных учебных заведениях и женских училищах духовного ведомства». А духовные учебные заведения далеко не то, что светские в настоящем случае. Они, скажем словами одного знатока дела, – «как бы ни судили о них светские люди, – несомненно самые старые на Руси школы, притом связанные своими преданиями и с греческими школами и с западнорусскими и, наконец, единственные у нас школы, над которыми до сих пор счастливо проносились бури Петровских преобразований» (Церк. вестн. 1887 № 40 статья Кояловича). А так как детей школьного возраста в России числится около 12 миллионов, а священно-церковно-служителей не менее 100 тысяч, учащихся же в духовно-учебных заведениях мужских и женских не менее 50 тысяч: то числа учителей и учительниц из духовенства очень и очень достаточно для желающих учиться в церковно-приходских школах, иначе сказать, – под руководством самой матери-церкви. В число учителей и учительниц, наконец, могут поступать и лица совсем светские (срав. § 13 прав. о ц.-пр.

шк.), но в отношении к таким лицам желательно было бы, в видах существенной пользы дела, поставить условием – освоиться с духом или даже и пройти курс преподавания наук в духовных школах. Церковь русская не есть церковь римская с клерикализмом последней. По учению православному, «Церковь есть от Бога установленное общество человек, соединенных верою, законом Божиим, священноначалием и таинствами» (Катехизис). И как в древнерусской жизни в духовное звание поступали люди из всех сословий и состояний. лишь бы кто чувствовал к тому призвание, так и теперь могут поступать (и поступают) в число духовенства также люди каких угодно сословий, званий и состояний. Только со времени Петровских преобразований духовенство мало-помалу выделилось как бы в особую касту, да и это случилось от того, что, вследствие материальных и иных стеснений со стороны правительства духовенству, лица из других более привилегированных сословий стали иметь меньше охоты поступать в духовное звание; а затем, с постепенным усилением духа западничества, началось и еще большее принижение духовного сословия, выражавшееся и выражающееся иногда, со стороны некоторых не только из высших, но даже и из средних с низшими классов народа презрением в отношении к нему, так что в этих случаях духовенство по всей справедливости могло бы вместе с пророком, от лица Господня говорившим, сказать: сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене (Ис. 1:2). Но продолжим сопоставление новых церковно-приходских школ с древнерусскими. Цель учреждения первых и объем преподавания в них также свидетельствуют за их сродство с последними. И именно «школы сии имеют целью, как мы указывали и в начале нашего настоящего рассуждения, – утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» (§1). Это, как мы видели из раньше сказанного, было и всегда на Руси главной целью просвещения. Правда, и светские «начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» (ст. I положений о нач. нар. уч. 14 июля 1864 и 25 мая 1874 г.): однако мы видели, как иногда в светских училищах самое дело шло в разрез с такою благою целью благодаря некоторым исполнителям этого дела. В церковно-приходских училищах осуществление означенной цели обеспечивается уже самым священным саном и долгом священнической совести исполнителей, тогда как в светских школах такого обеспечения не представляется. – Затем, посмотрите на объем предметов, преподаваемых

в церковно-приходских школах, – и вы увидите опять в сущности то, что уже издавна, с меньшей или большей широтой, преподавалось на Руси. Именно «церковно-приходские школы могут быть одноклассные с двухлетним и двухклассные с четырехлетним курсом». В первых «преподают: 1) Закон Божий (и именно: а) изучение молитв; б) священная история и объяснение богослужения; в) краткий катехизис); 2) церковное пение; 3) чтение церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальные арифметические сведения. В школах двухклассных преподаются сверх сего начальные сведения из истории церкви и отечества» (§5 прав. о ц.-пр. шк.). Это представляет лишь в более широком и определенном виде тот план преподавания, который начертан кратко в следующих словах древней молитвы иерея о отрочати, начинающем учение свое: Дай же ему, Господи, от Давидова разума, от Соломони премудрости, и от Кирилловы хитрости. Дай же ему стояние с иереи и со всеми святыми Твоими (см. Кирилло-Мефод. Сборн., стр. 448). Кириллова азбука или, что то же, церковно-славянская грамота с ее не хитрою счетною премудростью, опирающуюся опять таки на церковно-славянскую азбуку; Псалтирь царя Давида, нравоучительные изречения мудрости Соломоновой: вот весь план древнерусской школы. Церковность, состоявшая между прочим в участии чтением и пением в богослужении (стояние с иереи): – вот основной характер ее. Религиозность (стояние – со всеми святыми): – вот конечная цель и направление ее. Соответственно этому писались и издавались и учебные книги: буквари, азбуки, грамматики и т.д. Изданные в 1886 году программы для церковно-приходских школ лишь еще более точно и подробно определяют тот же объем преподавания. Во всяком случае «при сем наблюдается, чтобы в одноклассных школах состав учебных предметов был не менее определенного в положении о нач. нар. учил. 25 мая 1874 года (§5 правил о ц.-пр. шк. примеч.). Так относительно объема, но не вполне так относительно характера. В положениях о нач. нар. учил, ведомства министерства нар. просвещения и 1864 и 1874 года определяется следующий состав учебных предметов в этих училищах: «а) Закон Божий (Краткий катехизис и священная история); б) Русский язык, чтение по книгам гражданской и церковной печати и письмо; в) Первые четыре действия арифметики и г) Церковное пение там, где преподавание его будет возможно». Разница очевидна и ее нечего уяснять. Последний предмет (церковное пение) в одно время (в 1865 г.) даже было совсем хотели изгнать из начальных народных школ, находя какие-то «затруднения» в исполнении постановления о преподавании этого

предмета ¹⁶, и министр народного просвещения даже представил о том Государю доклад. Но Государь велел спросить о том мнения митрополита Московского Филарета, – и конечно желание не любителей церковного пения не было исполнено (см. Соб. зак. за 1865 г. №42812 и за 1866 г. №43124). А затем лишь «но мере надобности и средств дозволяется открывать при церковно-приходских школах, с разрешения епархиального архиерея: а) дополнительные классы по предметам преподаваемым в одноклассных и двухклассных школах; б) ежедневные уроки для взрослых; в) особые ремесленные отделения и рукодельные классы и г) воскресные школы для лиц, не имеющих возможности пользоваться ученьем ежедневно» (§7 прав. о ц.-пр. шк.). – Наконец взгляните на учебные руководства и пособия, употребляемые в ц.-пр. школах – и здесь вы увидите то же воплощение типа древнерусской народной школы. Уже то самое, что все эти руководства и пособия, равно как и книги для чтения в церковно-приходских школах суть лишь указываемые Св. Синодом (§8 прав. о ц.-пр. шк.), свидетельствует об их церковности по основному характеру и о полной их благонадежности. Не говоря уже о Законе Божиим и церковном пении, даже чтение с письмом и арифметика имеют для себя такие руководства и пособия в церковно-приходских школах, которые в основании своем суть вполне древнерусские и совершенно отличные от тех многочисленных руководств и пособий, которые наводнили начальные народные школы светского ведомства. Не упоминая о Часослове и Псалтири, этих от древности излюбленных учебников грамотности на Руси и доселе служащих руководствами в церковно-приходских школах, обратим внимание хотя бы на книжицу: Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного писания. Пред нами ее издание 1883 года (издание 33-е). В начале ее наверху находится виньета, изображающая всевидящее око, крест и скрижали завета; затем, после заглавия, прежде всего поставлены молитвы: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь (срав. вышеприведенную заповедь Спасителя апостолам: шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа) и: Боже, в помощь мою вонми, и вразуми мя во учение сие. Далее следуют буквы церковной и гражданской азбуки, склады двухсложные и трехсложные, слоги имен по азбуке; (алфавиту) под титлами (А: *Ѧг҃лз. Ѧг҃льскій. Ѧр҃хг҃лз* и т.д.) и имена просодиям (*оꙗ. ісо. каріа* и т. д.). Потом идут молитвы утренние, пред трапезою и по трапезе, на сон грядущим и другие молитвы, символ веры, десять заповедей, исчисление добродетелей богословных, таинств, даров Духа

Святого, плодов Духа Святого, блаженств евангельских, дел милости внешних и духовных, грехов смертных и добродетелей. За тем четыре последняя и достопамятная: «Смерть. Суд Божий. Геенна. Царство небесное». Вслед за этим «Сокращенный Катехизис». Потом более знаменательные «Изречения из св. писания», – «Краткое нравоучение» («Будь благочестив. Уповай на Бога» и т. д.) и наконец «Числа церковные гражданские и римские» от единицы до тысячи¹⁹. О полном согласии этого учебника с азбуками и букварями древнерусскими собрание Общества любителей духовного просвещения может судить уже по тем примерам, которые приведены были года два с половиной тому назад в речи о св. Кирилле и Мефодии, как учителях народа русского (см. Чтения в общ. люб. дух. просв. за 1885 г. №№ 5–6). Для удостоверения в том же согласии можно указать еще на статью г. Извекова, помещенную в журнале: «Семья и Школа» за 1872 г. под заглавием: «Букварная система обучения в исходе XVII и начале XVIII ст.». Разница была только в подробностях и распорядке материала, но не в существе дела. Если же мы возьмем самое огромное большинство подобных же руководств, употреблявшихся и доселе употребляемых в начальных народных училищах светского ведомства, то увидим разницу и по самому существу дела. Для сравнения возьмем из прежних Азбуку, составленную А. Великановым и изданную в Москве в 1859 году. Вместо всяких молитв, эта азбука начинается анализом слов песенки о петушке. При этом «дитя, – как говорится в предисловии к книге, – мало-помалу знакомится с буквами и их назначением, освобождается от продолжительного для него долбления отдельных складов: ба, ва и т.д». Затем и в материале для чтения, вместо прежних молитв, катехизиса, нравоучения и т.д. мы здесь видим почти только одни стихотворения, притом, наряду с хорошими, вовсе не подходящие для детей: или сомнительные по нравственной тенденции, или двусмысленные, или же с социалистической окраской и под. (см. напр. «Старый волк» на стр. 76 и дал. «Нищий», стр. 49 и др.). Равно также, наряду с хорошим, много не хорошего и в других учебниках и пособиях, притом не говоря о мелко-травчатых, даже в столь употребительных, как «Наш друг» барона Корфа, «Родное слово» Ушинского и др., на что с глубоким прискорбием указывает и сам наш простой народ (см. книжку: «Мысли простого русского народа о том, какое ему нужно учение и просвещение, изложенные по поводу освящения и открытия церк.-приходской школы Моск. губ., при Тихвинской церкви в г. Богородске 18 янв. 1887 года», стр. 35 и дал. 57, 84 и др. Москва, 1887). Недаром же этот простой народ, громко вопия

против таких учебников и прося выключить их из числа руководств для начальных народных училищ, просит усиленно возратить его детей к старинным любимым руководствам: Часослову и Псалтири, как научающих Божественному, а не демонскому плясопесенному учению. Далее, эти же книги, т.е. Часослов и Псалтирь, вместе с другими также «Божественными» книгами, каковы: Евангелие, Апостол, творения св. отцов, жития святых и т.п., служат и могут служить книгами для чтения внеклассного как в самих церковно-приходских школах, так и особенно в семьях²⁰. А разве не то же, как мы видели раньше, было предметом для чтения и в старину? – Ведь, только уже новое время, заимствовавшее науку из разлагающегося духовно западного мира, внесло к нам всякой, с позволения сказать, дряни для чтения, на которую, как мы видели, жаловался уже святитель московский Филарет и которая с некоторого времени наводнила собою всю Русь, представляя в себе море великое и пространное, в котором гади ихже несть числа. При развивающейся же год от году, по мере распространения образования, жажде чтения, что может принести эта литературная масса кроме дурного? Мы уже по горькому опыту знаем, какие практические результаты оказывались не только от чтения таких книжонок, как «Разбойник Чуркин», но и от знакомства с тем «светом», который износит от себя «светская наука». Старинные «Божественные» книги не научали неповиновению родителям, не знакомили с разными, по большей части недоброкачественными способами наживы, не трактовали о правах четвертого сословия, не проводили космополитических, материалистических и т.п. идей, а учили страху Божию, почтению к родителям, уважению к властям предержащим: несть бо власть, аще не от Бога (Римл. 13:1) и т.д. От того-то и строй России был крепче теперешнего.

Но 2) воспроизводя в себе тип древнерусской народной школы, новая церковно-приходская школа в то же время не чуждается и движения науки вперед, как не чуждалась его и древнерусская школа. Уже св. Кирилл и Мефодий, при составлении азбуки и переводов священных, богослужебных и других книг с любовью, искусством и успехом пользовались тем, что доставляла им тогдашняя человеческая мудрость (алфавиты, грамматическое строение разных тогдашних языков, знакомство с литературой последних и т.д.). Недаром св. Кирилл получил наименование «философа». Равно также было и в древней Руси. Напр. самый первый митрополит всероссийский, св. Михаил призывал к себе учителей и наставлял их учить детей не только грамоте, но и благонравию,

действовать на них не гневом и не жестокостью, но ласковостью, и страхом, растворенным любовью и благоразумно приспособляться в своих уроках к силам и понятиям каждого (Степ. кн. I, 143; см. Прогр. для ц.-пр. школ. стр. XV). Ввиду этого, при отсутствии всяких теперешних усовершенствований в области педагогики и дидактики, посмотрите, какие усилия употребляли древние наши учителя к тому, чтобы в их школе было не одно лишь «долбление», да «долбление», как ныне любят выражаться о тогдашнем учении, но чтобы по возможности и по мере нужды упростить и облегчить дело усвоения начал обучения. Правилами об этом полны все почти предисловия к старинным букварям и грамматикам. Как на образчик этого, можно указать на предисловие к грамматике Мелетия Смотрицкого (М. 1648), направляющее учащегося к тому, чтобы «умом разумети словеса, что говорити». Срав. также предисловие к учебному Часослову. Поверят ли наши педагоги тому, что еще в XVII веке у нас на Руси видны зачатки обучения даже по звуковому способу? А это подлинно было так. В Алфавитаре, приписываемом братьям Лихудам и находящемся в рукописном виде в библиотеке Спб. дух. акад. (№ 1208, стр. 47–89), мы находим следующие любопытные заметки: «У или у обоя сия начертания едино писмя и имя имут у, а не яко неискуснии писмя сие у обыкоша гласит *ик*. Подобае убо коеждо писмя глаголати, яко оно глас свой творит, глас же писмене сего не и, но у: и якоже глас его есть, сице и звати тое по гласу его у, или сложено *ук*, но гласа не изменяя; слагается же писмя сие из двух точно писмен гласных: она и уpsilon. Еще ѣ, гласное же мягко, глаголати достоит, яко ѣ, точию дебело ѣ, а не ять, и учити глаголати тое яко глас свой творит, не прилагая писмен, согласного т и припряжно гласного ѣ, ниже глас его изменяя во ин глас». Или еще: «паки учитель да весть, как ученика учити слогом не нераздельно подобае учити (яко обыкоша неискуснии, букиаз – ба, ведиаз – ва, глаголаз – га и прочая; не тако убо подобае слоги учити): но раздельно и учащемуся» (Извекова, Букварная система обучения в XVII и XVIII в. в «Семье и Школе за 1872 г. стр. 740–741). Затем не говоря уже о педагогических и дидактических нововведениях, даже иногда с ненужными излишками вводимых в систему начального обучения со времен Петра Великого, между прочим и такими новаторами, как Феофан Прокопович, архиепископ Новгородский, мы укажем на ланкастерскую систему взаимного обучения,

на облегчающие чтение и изучение читаемого таблицы, пользовавшиеся сочувствием между прочими и святителя Московского Филарета, введшего их в начальную школу, учрежденную при Сергиевой Лавре, и т.д. Да и со звуковой методой Золотова духовное ведомство тотчас же ознакомилось и вводило ее в свои школы, хотя и не раньше, быть может, некоторых школ светских, однако во всяком случае раньше школ земских и городских начальных. Правда, оно не так поспешно усвояло ее себе, как светское ведомство, бросавшееся, нередко и без разбора, на всякую новинку в области педагогики и дидактики, принесенную ветром западных учений; но оно имело на то и свои причины, по нашему мнению очень уважительные и оправданные опытом веков. Между тем как новая педагогика старается всячески облегчить труд обучения вообще и в частности грамоте, разными наведениями, объяснительным чтением и под., древние смотрели на дело иначе и допускали облегчение лишь самое необходимое, как мы о том замечали недавно. Наши предки не обращали учения в игрушку, в забаву, как это вошло в обычай в новых светских школах. Они смотрели на ученье как на труд и на школу труда, приучавшую к терпению, выносливости и т.п. согласно слову Божию. Поэтому-то в своих учебниках они привлекали детей к учению не песенками о петушке или о чем либо подобным, а такого рода напр., стихами:

«Хвалити Бога человеку всяку,
«Долг учиться писмен словес знаку.
«Учением бо благо разумеет,
«В царство небесно с святыми успеет.
«Тем же юнии в труде сем бывайте,
«Времен и часов в гулбе не теряйте».

Так читаем в самом начале букваря Феодора Поликарпова (1701 г.).
Равно также и Лихудовский Алфавитарь говорит:

«Не хотяй трудолюбно юный учиться,
«Презелно о том стар сый будет стыдетися».

(Извекова, там же, стр. 738) С такою же осторожностью, с таким же основным взглядом на дело обучения относились к нему истинные учителя наши и в последующее время, при всяких даже нововведениях, вызывавшихся требованиями времени. Вот напр. что пишет от 16 ноября 1857 года приснопамятный святитель Московский Филарет к наместнику Сергиевой Лавры архим. Антонию: «удивительные дела бывают на свете. Жили, жили на свете люди прежде нас; жили, жили на свете мы грешные: наконец в 1857 году узнаем, что мы не умеем учиться грамоте! – Нашел я

указанный вами лист «Петербургских ведомостей», и прочитал сказание об азбучной премудрости Золотова. Вероятно, в скорости обучения много участвует искусство учителя возбуждать внимание и охоту учеников. Может быть, успех и окажется удовлетворителен. Но от разных выдумок скороспелого учения грамматики замечается то последствие, что скоро выучившиеся не знают грамматики, и худо владеют языком. Систематически учащиеся грамматике имеют более труда: зато узнают правильный язык во всех оттенках его, и привыкают свободно владеть обилием языка. Если угодно, пошлите одного из наших учителей поучиться методу Золотова» (Письма Ф. к Ант. IV, 61–62). А что и теперь наш простой русский народ, не чуждаясь нововведений, насколько то нужно облегчающих дело начального обучения, в то же время считает и желает, чтобы и дети его также считали это обучение за настоящий труд, облегчение которого понижало бы его значение, как труда, на то мы имеем печатные заявления, идущие из среды самого же народа. Для сего см. раньше упомянутую книжицу: «Мысли простого русского народа, изложенным по поводу освящения и открытия церковно-приходской школы Моск. губ. при Тихвин. церкви в г. Богородске», стр. 36, 43, 84, 93. На этой же точке зрения золотой середины стоят и восстанавливаемые с 1884 г. церковно-приходские школы. По Высочайше утвержденным правилам о них, «школы сии имеют целью» не только «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской», но и «сообщать первоначальные полезные знания» (§1), как и начальные школы светские по Высочайше утвержденным о них положениям 1828, 1864 и 1874 гг. О том же свидетельствует опять и объем предметов преподавания в церковно-приходских школах, указываемый §§ 5 и 7 правил о них и вместе с методом подробно определяемый изданными в 1886 году от Св. Синода «Программами» для этих школ. «В церковно-приходской школе, – говорится напр. здесь в объяснительной записке к программе церковно-славянской грамоты, – желательно было бы начинать обучение прямо с церковно-славянской азбуки. Но ввиду затруднений, какие может вызвать употребление при этом старинного способа, отличного от современных, привычных для большинства учителей, методов обучения чтению, и известного им только в своем механизме, с другой стороны по многим неудобствам приложения к церковно-славянской грамоте общеупотребительного в настоящее время звукового способа, предоставляется обучать церковно-славянской грамоте после русской, и именно непосредственно после того, как дети ознакомятся с механизмом русского чтения, т.е. в конце первой или в начале второй

половины первого года учения». (Прогр. ц.-пр. шк. стр.35). Затем рекомендуются таблицы славянских писем, и стенные таблицы кратких употребительнейших молитв (стр. 35–36), – конечно также для облегчения труда обучения. Нечего говорить, что еще более широко новая церковно-приходская школа пользуется современными педагогическими и дидактическими усовершенствованиями относительно других предметов преподавания и других сторон воспитания в них, как видно из тех же «Программ» с объяснительными к ним записками. Но в то же время в них видна и та благоразумная осторожность, о которой мы говорили выше. Между прочим напр., относительно преподавания той же церковно-славянской грамоты мы здесь читаем: «Лицам убежденным и опытным отнюдь не возбраняется начинать обучение с церковно-славянской азбуки в древле уложенном порядке и с подлинными названиями букв. Такие опыты даже желательны: они дадут ценный материал для более верного и положительного решения вопроса об обучении церковно-славянскому чтению в церковно-приходских школах» (стр.36). Есть много данных, говорящих в пользу не только того, чтобы начинать обучение грамоте с церковно-славянской именно азбуки, но и того, чтобы не отдавать преимуществ новому звуковому способу обучения пред старинным буквослагательным. Не имея в намерении подробно излагать здесь эти данные, мы скажем только то, что они основываются не на одних теоретических соображениях, а и на опыте. См. изложение их в «Заметках о сельских школах» достопочтенного народного учителя С. А. Рачинского, стр. 54–56 (Спб. 1883); – в газете «Голос Москвы» за 1885 г. № 56; – в журн. «Вера и Разум» за 1887 г. № 12, стр. 930–935 отд. церковного и др. Особенно важны в этом отношении данные опыта С. А. Рачинского и школ, устроенных Я. И. Лабзиным в Павловском посаде и в деревнях Игнатъеве и Феодорове Богородского уезда Моск. губ. (Срав. Указ. № «Голоса Москвы» и «Мысли прост. р. нар. стр 89). Самые крупные преимущества предпочтения церковно-славянской грамоты русской заключаются в следующем: во-первых, чрез это прочнее закладывается в душе ребенка чисто-религиозная основа, так как на церковно-славянском языке нет чего-либо светского, но все только духовное, Божественное; а такая основа важна и для всей последующей жизни ребенка, по пословице: «каков в колыбельке, таков и в могилке» и согласно старинному изречению: *quo prius est imbuta recens servabit odorem testa diu* (Horat.). И только под этим условием возможны те подвиги на пользу Церкви, Царя и Отечества, которыми дивились другие и мы в русском человеке до последнего времени. – Во-вторых,

после изучения церковно-славянской азбуки не потребуется вторичное обучение русской гражданской азбуке, так как знание этой азбуки приобретается тут же, т.е. при обучении церковно-славянской грамоте (см. для сего «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания»); в-третьих, при совместном обучении чтению и письму, письмо славянское (устав) гораздо более совпадает с печатным начертанием букв, нежели письмо русское; в-четвертых, по всему этому, самое обучение грамоте будет прочнее, тем более, что при сем предполагаются практические упражнения обучившихся грамоте в чтении «Божественных книг» дома, Псалтири по покойникам и т.д. А между тем, наоборот, при обучении сперва русской гражданской, а потом уже славянской грамоте оказываются, не говоря о других, даже те крупные недостатки, что выученные так читать, во-первых, скоро забывают грамоту, как то и доказывают многие случаи при поступлении их в военную службу, а во-вторых, они начинают сперва невольно, а потом и по привычке самую церковно-славянскую речь произносить на манер русской гражданской, следовательно уродовать ее. Кому приятно было бы слышать не только (как то, к сожалению, иногда встречается) священников, произносящих возгласы напр. так: «БлагАслАвен Бог наш» и т.д. или: «БлагАслАвено цАрство Атца и Сына» и пр., но и мальчиков, читающих в церкви или Псалтирь по покойникам в домах с подобным же произношением? Но не говоря о том, что даже и старинный буквослагательный способ имеет за собою то неоценимое преимущество, что не требуя, как показывают опыты С. А. Рачинского и школ Я. И. Лабзина, продолжительности времени для обучения грамоте сравнительно со звуковым, приучает детей к столь полезному в их быту и последующей жизни труду, терпению, выносливости и т.п., этот способ легко соединим и со звуковым способом. Указания на это мы видели уже в Лихудовском Алфавитаре. Применение такого сочетания обоих способов на деле к тому же практиковалось с успехом и до изобретения методы Золотова в русских церковно-приходских школах. Все это показывает, как далеки последние от так называемого рутинерства, от невнимания к действительным улучшениям в области педагогики и дидактики, – но только именно к действительным, а не мнимым. Оттого-то и простой народ так тяготеет к ним, как к чему-то родному, и наоборот сторонится нередко от земских и министерских школ, несмотря на все их облегчения в способах обучения. Ибо «кому не случалось слышать от крестьян, – читаем в отзыве целой Игнатьевской волости (Богородского уезда Моск. Губ.), – что дети их вышедшие из

земской школы, и в особенности из двухклассной, вместо того, чтобы помогать отцу в его промысле, стремятся к более легкому занятию (потому что по легкому способу обучались грамоте и не приучились к труду!), стараясь поступить куда-либо в контору или прикащики, в писаря и т.д.» (стр. 93 помянутой книги, написанной по поводу освящения и открытия ц.-прих. шк. в г. Богородске).

Наконец 3) новые церковно-приходские школы, как и древние, твердо опираются на указанных раньше основных началах русской государственной жизни: православии, самодержавии и народности, ясно провозвещают эти начала, заботливо проводят их в сознание учащихся и верно охраняют их. По изданным в 1884 году правилам о церковно-приходских школах, эти последние «имеют целью», как говорено было, прежде всего «утверждать в народе православное учение веры» и затем «нравственности христианской» (§1). А в этом, согласно раньше сказанному о значении веры православной, уже заключаются для русского и самодержавие и народность; ибо церковь наша, проповедуя православие, вместе с тем охраняет и освящает также и самодержавие и народность. И поэтому-то высшее церковное правительство России – св. Синод, издавая Высочайше утвержденные правила о церковно-приходских школах, в своем по этому делу определении от 27 июня – 12 июля 1884 года за № 1407 разъясняет вышепоставленную цель сих школ, поставляя при этом для духовенства православного задачей – «воспитывать в детях страх Божий, преподавать им знание веры, вселять в сердца их любовь к св. Церкви и преданность Царю и Отечеству». В согласии с тем находятся, конечно, и изданные от св. Синода в 1886 году «Программы учебных предметов для церковно-приходских школ». И прежде всего в них между прочим читаем: «задача церковно-приходской школы значительно облегчается тем, что она имеет прямое, ясное и твердое руководство в Церкви. Послушание матери-церкви – искреннее, в простоте сердца, как это свойственно детям – вот ее незыблемая опора и отличительный от всех иных подобных школ характер» (стр. XIII). А так как в основе всего материнского воспитания Церковью своих чад лежит Божественное писание, в котором положены твердые опоры для дальнейшего развития и раскрытия означенных начал русской государственной жизни и которых дальнейшим развитием и раскрытием, в свою очередь, служат все книги так называемые церковные: то поэтому далее, в тех же «Программах» напр., относительно преподавания закона Божия и именно Священной Истории Ветхого Завета читаем следующее: «это – история детства человеческого

рода, в особенности близкая сердцу детей и для них назидательная. Здесь они из живых примеров должны получить первые понятия о главных обязанностях, как семейных, так и общественных (как должно почитать родителей и дорожить их благословением, о братней и родственной любви, об обязанностях слуг и господ и т.п.). В то же самое время дети увидят здесь начало и возникновение многих обычаев, учреждений и обрядов, которые до сих пор сохраняются в семейном, общественном и церковном быту (семейные могилы, закрытие очей умершего ближайшим родственником, искание указаний свыше и доброго рода при выборе невесты, покрывало на голове ее и т.п.). Здесь открывается для наставника возможность ознакомить детей с некоторыми, и притом наиболее важными, сторонами человеческой жизни и дать взгляду их на все явления ее направление религиозное. Дети увидят, как сам Господь Бог воздвигает власть вождя народного и первосвященника (пророки Моисей и Аарон) и строго карает противников этой власти (казнь Корея, Дафана и Авирона), и как наконец передает не иную, а свою собственную власть над народом – особенному своему избраннику царю (история избрания на царство Саула), какое внушается к ней уважение, и как строго охраняется неприкосновенность помазанника Божия (отношение Давида к Саулу). В жизни избранников Божиих и вообще богоизбранного еврейского народа в особенности ясно и наглядно представляются пути промысла Божия: за преступлением большей частью сейчас же изрекается и неминуемо, рано или поздно, следует наказание; по молитве подается прощение и помилование; пророки указывают эти пути Божественного промысла и вперед предрекают судьбы царств. Эта особенная очевидность путей Божия промысла в событиях Священной Истории воспитывает и утверждает в сердцах детей живую и твердую веру, что всем в мире правит воля Всеvyšнего» и т.д. (Стр. 16–17). Наконец, так как история нашего отечества «в большей своей половине имеет характер церковный» (стр. 20): то и относительно преподавания этого предмета в связи с историей русской церкви в церковно-приходской школе «Программы» дают между прочим следующие наставления: «не вдаваясь в излишние подробности, следует так преподать главнейшие события отечественной истории и жизнеописания великих русских монархов и их славных сподвижников, чтобы учащиеся прониклись глубоким интересом и участием к этим событиям и сердечно полюбили всех потрудившихся на благо родины, жертвовавших за нее своим покоем, трудом и жизнью. Из общего хода истории России учащиеся должны

вынести твердое убеждение, что наша родина всегда была сильна своей православной верой и единой державной царской властью, что когда оскудевала святая вера в народе, или когда не было сильной единой державной власти, русская земля подвергалась тяжелым бедствиям и была близка к гибели и что следовательно, только тот будет истинный сын России, кто свято соблюдает учение святой Церкви православной и верно служит своему Государю, Помазаннику Божию» (стр. 69–70). Не тому же ли, как можно было видеть уже и из раньше изложенного, учила св. церковь русская и с самых древних времен? Не то же ли учение издавна заключалось и доселе заключается в ее учебниках, учебных пособиях и книгах для чтения? Не говоря уже о допетровской старине, воспитавшей Россию до той степени крепости и могущества, на какой она стала со времен Петра, мы укажем для примера на учебники со времен Петра. Вот напр. изданное в первый раз еще по повелению Петра Великого учебное руководство под заглавием «Юности честное зерцало», экземпляр которого, бывший у нас под руками, второго издания 1740 г. в Спб. Между находящимися здесь «Нравоучениями от священного писания по алфавиту избранными» мы находим между прочим столь обычные и издавна употребительные: бойся Бога и Царя, и ни единому же их, противися (стр. 12); иереи почитай, старших благоговей (стр. 14); не оправдай себе пред Богом, и паче Царя не умудрися (стр. 15); Царь премудр, утверждение есть людем (стр. 17); Царю слава во мнозе языке: во оскудении же людей, падение сильному (там же) и т.д. (См. напр. стр. 16, 34–35, 44 и др.). Затем в «Начальном учении человеком, хотящим учиться книг Божественного писания» при изъяснении того, «что повелевает Бог в пятой заповеди», в сокращенном катехизисе дается такой ответ: «повелевает родителей своих, и под именем их, во-первых Государя, яко помазанника Божия и отца народа: пастырей духовных и правителей гражданских: учителей, благодетелей и старших почитать, и им повиноваться, да и всякого человека любить как себя» (стр. 56). В пространным катехизисе на все это, как известно, приведены подтверждения и из слова Божия. Затем в числе «Изречений из Св. Писания» в «Начальном учении» мы находим между прочим следующие: начало премудрости страх Господень (Псал. 110:1 стр. 62); Да увеси, како подобает в дому Божии жити, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины (1Тим. 3:15 там же); Бога бойтесь, Царя чтите (1Петр. 2:17 там же); Всею душею твоею благоговей Господеви, и иереи Его чти (Сир. 7:31 там же); Всяка душа властем предержащим да повинуется. Несть бо власть, аще не от Бога: сущия же власти от Бога

учинены суть. Тем же противляйся власти, Божию повелению противляется (Рим. 13:1–2 там же) и т.д. В «кратком нравоучении»: «Будь благочестив. Уповай на Бога, и люби Его всем сердцем... Усерден будь ко святой церкви Божией и все ее установления свято почитай и храни. Государя почитай, как от Бога установленную власть, и всем его законам повинуйся... Люби не только друзей и благодетелей, но и самих врагов твоих, и молись за них» (стр. 67) и др. И так как еще исстари у нас был обычай и даже внушение, повеление – «катехизис просто, и со истолкованием, с некоторыми псалмами, и притчи святого писания наизусть уметь» («Юности честное зерцало», стр. 35): то все эти внушения церкви в форме изречений Писания и кратких нравоучений усвоились прочно и оставались руководительными правилами на всю остальную жизнь питомцев ее. В этом-то смысле еще в 1843 году великий святитель Московский Филарет чрез консисторию внушал священникам и другим духовного ведомства лицам, назначаемыми в наставники сельских школ между прочим стараться о том, чтобы «целью преподавания поставить не то одно, чтобы передать некоторые понятия памяти учеников, но то, чтобы в сердцах их утвердить православные понятия о Боге и Христе Спасителе, благочестие, благоговение к Самодержцу, послушание начальству, благонравие, дабы учение сделать в них основанием доброй и благополучной жизни» (Душеп. чтен. 1872, I, 116). В этом же смысле и издавна учили и действовали архипастыри и пастыри Русской церкви – истинные учителя одной великой церковно-приходской школы – Церкви. В этом же смысле призвана действовать, как мы сейчас видели, и новая или лучше, восстанавливаемая церковно-приходская школа. И от того-то так сильно желает утверждения и распространения церковно-приходских школ и изданных для них от св. Синода программ наш простой народ, еще не забывший исконного типа их и вместе с тем с глубокой скорбью видящий, как мало-помалу удаляется от коренных, родных ему начал русской государственной жизни в самой среде его молодое поколение, воспитанное и воспитываемое в земских, министерских и других светских начальных школах, с их стремлениями, вместо единого на потребу, дать ученикам более или менее обширные понятия из области миропведения, социологии, политической экономики и т.д.²¹ Вот напр. некоторые слова адреса нынешнему первосвятителю сердца России – Москвы, Высокопреосвященнейшему митрополиту Иоанникию от крестьян разных местностей Московской губернии, а также живущих в Москве крестьян других губерний с 2000 подписей: «ты соорудил им (св. Кириллу и Мефодию)

нерукотворенный и нетленный памятник, открыв в первопрестольной столице Москве во имя сих святых братство для поддержания прежних и открытия новых церковно-приходских школ, чрез который, уповаем мы, отцы наши духовные приведут к нам святых Кирилла и Мефодия, с их живоносною, святою и Божественной силы исполненною грамотою церковно-славянскою. В этих школах наши дети выучатся читать Часослов и Псалтирь, и всякая душеспасительная книга откроется им. Мы твердо уповаем и глубоко веруем, что чрез святою церковно-славянскую грамоту, и только чрез нее одну, обновится в народе и укрепится упадающее теперь древнее святоотеческое благочестие, которое, по слову св. Ап. Павла, на все полезно есть, обетование имеющее живота нынешнего и грядущего (1Тим. 4:8). «Подлинно в благочестии заключается самый верный залог и земного благоденствия. Не может это заменить, не может такой силы иметь никакая земная наука и учение, которое Апостол называет телесным и которое без благочестия в мале полезно есть. Мы видим это и сами на опыте. Вот с ослаблением в народе церковной грамоты и учения древняя набожность и страх Божий в народе стали ослабевать; хотя учение телесное и школы умножаются у нас, а умножения довольства и счастья не видно. Видим, напротив, умножение пороков и нищеты в народе, тоскуем мы об утрате древних простых и добрых нравов. Множество школ не радует нас и не внушает нам утешительной надежды; мы живо чувствуем свою беспомощность. Одно средство – обратить наших детей к церкви Божией, ибо у нас вся сила в церкви. Мы своим крестьянским умом понимаем, что все основы семейного порядка и общественного благоустройства в ней хранятся непоколебимо: еще такой непоколебимости нигде и ни в чем нет. Мы понимаем, что и доброе-то что есть в науке гражданской – не прочно и не твердо. Только в союзе с церковью святою всякое добро бывает полно силы и плодотворно. И так, мы одной надеждой питаемся, не приведут ли наши пастыри детей наших к церкви Божией. И знаем мы, что привести их к церкви и поставить их под ее спасительное руководство только чрез церковную грамоту можно с лучшим успехом. И научит она их тому, чему гражданская наука мало учит, или и вовсе не учит, – знать Господа Бога и бояться Его, чтить церковь Божию и соблюдать ее уставы; научит благоговейно чтить Царя – Самодержца и по-Божески повиноваться ему, почитать родителей, покоряться начальству; узнают они чрез эту грамоту о святом братолюбии, о мире и согласии в семействе, о боголюбивой неразделимости семьи, по слову Божию: се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе (Псал 132:1), о святости брака и брачной жизни, о

высоте непорочного девства, о трезвости и целомудрии, о трудолюбии, о милосердии и сострадании к бедным, о спасительном смирении, без которого невозможно спастись, и о добродетельной жизни вообще. Какая грамота может говорить обо всем этом так усладительно, с такой силой действия, с такой животворностью, как церковная? Какое нам, простым людям, будет утешение, когда мы услышим в храме Божиим наших детей читающих и поющих на клиросе, когда и дома у себя по праздникам будут они читать нам от «Божественного»! Какое от этого одного будет охранение и утверждение добрых порядков и добрых нравов в народе! Какая же наука может быть нам дороже? Мы не гнушаемся и других полезных наук на русском гражданском языке преподаваемых, мы не говорим, чтоб их вовсе не преподавать; нет, пусть и оныя преподаются в известной мере и в не обширном для крестьянских детей объеме, но непременно так, чтоб они были на втором месте, на первом же стояла бы самым делом, а не на бумаге только, святая церковная грамота, данная нам святыми Кириллом и Мефодием, и чтобы с благоговейным уважением относились к ней все и учителя школы и кто над школою поставлен, чтоб и детям нашим видимо было такое почитание святой грамоты. Много, очень много это значит! Вот тогда и земская школа пойдет добрым порядком и плод будет приносить и будет всему народу приятна и прелюбезна. А то у нас какое учение во многих народных училищах? Кого там считают народными наставниками? Святых Кирилла и Мефодия? Нет, барона Корфа и Ушинского! Главные там и самые уважаемые учебные книги «Родное Слово» и «Наш Друг», и им подобные. А учат по ним наших крестьянских детей читать и петь хороводные, плясовые и «демонские» песни, удаляющие христиан от Бога и растлевающие нравственность современного нам молодого поколения. Вот что нам больно!» (стр. 81–84 указ. кн. «Мысли прост. рус. нар. по поводу освящ. и откр. церк.-прих. школы в г. Богородске»). Подобные же мысли, только в более кратком изложении, еще раньше того (1886 г.), именно в конце 1884 года выражены были крестьянами 11 губерний в адресах Высокопреосвященнейшему Исидору, митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому и Обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву (см. там же, стр., 77–80) и позже (в начале сего 1887 года) Святейшему Синоду и Министру нар. просвещения И. Д. Делянову. Во всех этих адресах выражается неподдельная радость и живейшая благодарность народа по поводу восстановления, «желанных» церковно-приходских школ, «о которых, – говорят крестьяне, – «мы так понимаем, что в них главным предметом будет преподавание священно-церковно-славянского

чтения, а в этом чтении и его разумении мы, простые люди, полагаем, вернейший залог и земного благополучия и вечного спасения, ибо вера Христова на этом языке нам проповедуется искони» (стр. 81); или: «от которых (т.е. церк.-пр. школ) мы ждем и надеемся, при помощи Божией, дожидаться благих плодов, возрождения, развития, распространения, процветания и укрепления у нас столь вожделенной, столь любезной нам священно-церковной славянской грамоты, этой несокрушимой основы истинно-русского духа и величия нашей дорогой России» (стр. 78; срав. также стр. 79 и «Соврем. Изв.» 1887 №145). Вместе с тем в этих адресах выражается желание, чтобы и светские начальные школы получили характер церковно-приходской школы и чтобы в них приняты были в руководство Синодские «Программы для церковно-приходских школ» (см. адресат Св. Синоду и министру нар. просв. И.Д. Делянову в указ. № «Соврем. Известий»).

Итак нам кажется, что все, доселе изложенное, ясно свидетельствует о том, что 1) церковно-приходская школа нового образца в сущности не есть школа «новая», как думают иные, которая будто бы «стоит в начале неизведанного пути, прикрываясь флагом высших соображений», а есть поистине древнерусская народная школа, ныне лишь восстанавливаемая и обновляемая; 2) как таковая, т.е. как в сущности старая, древнерусская школа, она представляет в себе полное и прочное ручательство за благоуспешность «дела начального обучения» и воспитания, так как прошлое, возврат к которому она, даже по словам иных противников наших, собою представляет, далеко не «всем друзьям истинного народного просвещения и искренним недоброжелателям невежества и суеверия, в которые» будто бы «погружены были массы русского простолюдина» является «не в розовом свете». Напротив, это прошлое говорит прямо о том, как правильно, как благотворно шло воспитание народа в древнерусской, истинно церковно-приходской школе и как правильно пошло бы оно и далее вперед, если бы не оказалось нарушения правильности этого хода благодаря ложному пути, на который хотели было ее насильственно поставить питомцы науки светской, воспитываемые не на древнерусских, а на западно-европейских началах. А потому несправедлива и та мысль противников наших, что 3) и «это отдаленное прошлое и ближайшее настоящее не заставляют относиться с особенными надеждами на прогрессивное развитие образовательного уровня народных масс, при посредстве церковно-приходских школ»; ибо, во-первых, не верно уже и то, как мы могли видеть из вышесказанного, что будто бы церковно-приходская школа

останавливает всякое движение вперед в деле образования простого народа, а во-вторых еще менее верно то, в чем, по мнению иномыслящих, заключается «прогрессивное развитие образовательного уровня народных масс»: из предшествующего мы видели, насколько мнение «прогрессистов» западнического направления несогласно с истинными потребностями народного образования, выставляемыми самим народом. Начальная народная школа и особенно сельская не есть университет и не должна быть почитаема даже ступенью к нему, как гимназия. И поэтому 4) ложна мысль, будто к представительнице этого направления – школе светской (земской, министерской и т.д.) и духовенство и народ относились до сих пор сочувственно. О сочувственном отношении к ней духовенства можно было бы сказать разве только в шутку и в смысле иронии: находясь в оскорбительно-подчиненном положении относительно не инспекторов лишь, земцев и т.п. лиц, но и нередко учителей, стоящих гораздо ниже его по образованию, часто терпя унижения от заведующих школами, от разных кабатчиков, имевших вес в школьном деле и т.п., оно могло только разве скрывать свое несочувствие к светской школе, особенно в виду того, что последняя нередко попирала взлелеянную его трудами и любовью школу церковно-приходскую. А как в действительности относился и относится к светской школе народ, это мы уже достаточно видели выше. Из вышесказанного же мы могли видеть 5) и то, подлинно ли «громадны заслуги» народной школы земской и министерской. Не отрицая действительных заслуг ее, насколько она привнесла и привносит с собою к разъяснению и обогащению познаний светских, к раскрытию и решению вопросов науки воспитания и обучения с применением всего этого к делу в самой школе, мы вовсе не склонны считать этих заслуг «громадными», особенно в виду того, как поспешно, неумеренно и часто не вполне обдуманно совершалось и это самое привнесение, не говоря уже о «неудачных учителях и уродливых явлениях» в ней. Наоборот 6) 900-летние заслуги церковно-приходской школы подлинно «громадны», как мы замечали и раскрывали раньше. Не одно лишь приготовление к духовному званию имела она в виду, а воспитательно действовала на все стороны жизни народа, направляя его дух к одному лишь доброду, приучая его к покорности, терпению в скорбях и т.д., и закаляя его в борьбе с противниками православия, самодержавия и народности. А стало быть она 7) отнюдь не имела, как и не имеет, «узко-клерикального», сословного характера. Как представители духовенства не представляли и не представляют собою строго замкнутого сословия, так и церковно-приходская школа отнюдь не имеет в виду сословности. Как прежде,

так и теперь она представляет собою училище для всех сословий без различия, дает место учителям также из всех сословий без различия, наблюдая лишь одно, чтобы для всех было все – церковь, как мать наша, пекущаяся не только о вечном нашем спасении, но и о временном благополучии. Если же церковь есть для всех все, то тем более она все для простого народа. Высшие и средние классы народа еще находят себе духовную пищу помимо церкви: в области науки, на зрелищах и т. под.; для низшего же класса народа, для простолюдина «церковь – все: и вера и наука и искусство и, конечно, лучшее место для безмолвного исповедания радостей и скорбей жизни» (Церк. Вестн., 1887 г. №40).

А отсюда, наконец, 8) вытекает, что если, чего можно, кажется, ожидать в более или менее недалеком будущем, состоится передача заведывания делом начального народного образования исключительно духовному ведомству, то такая передача отнюдь не «будет крайне неблагоприятна для дела начального обучения». И для начального обучения она не будет не только «крайне», а и вообще не будет «неблагоприятна», и для начального воспитания; для этого последнего, в виду вышесказанного, она даже весьма желательна, более того необходима, также как полезна и для начального обучения. Ибо насколько в отношении к последнему она дала бы народной школе более устойчивое, «не зависящее от колеблющихся мнений о предметах начального обучения» устройство, настолько же еще более того она способна была бы скрепить порасшатанные основы воспитания юных поколений простого народа, – опоры будущности России. Средствами нравственными духовное ведомство, как прежде не было скудно, так и теперь, но милости Божией, еще менее скудно для осуществления великой цели, которую преследует правительство в деле восстановления церковно-приходских школ. Об этом не спорят и иные противники означенной передачи (см. «Киевлянин» указан. №№). И уже во всяком случае, согласно выше сказанному, «церковно-приходская школа защищена» гораздо «сильнее» от «неудачных учителей и уродливых явлений», нежели начальная школа светская, что бы ни говорили о той и другой наши доктринеры. Затруднительнее к разрешению вопрос о материальной стороне в устройстве церковно-приходских школ. В этом отношении не желающие означенной передачи запугивают нас тем, что в средствах материальных земства и общества могут де отказать духовному ведомству (или, лучше, правительству) в случае таковой передачи. Мы на это можем сказать только то, что такой отказ послужит не к чести как отказывающих, так и подающих мысль об отказе, если только те и другие суть христиане

не по одному имени. Ибо, как христиане, они должны знать слово Апостола о проповедниках веры и благочестия, о сеятелях духовного просвещения, каковыми в христианской церкви поначалу были сами Апостолы, а потом их преемники – пастыри и учителя церкви: аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем? (1Кор. 9:11). Таково было исстари положение дел в христианской церкви вообще и в русской в частности. Не забудем, что и Высочайше утвержденными в 1864 г., положениями о земских учреждениях (ст. 2. VII) земству напр., принадлежит лишь «участие, преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании» и не более (см. 2 Полн. собр. зак. т. 39 № 40457 и № 40934). А если земские собрания брали на себя гораздо более, нежели одни хозяйственные заботы, если напр., считали себя вправе входить в оценку преподавания даже закона Божия, сменять учителей-священников и под., то это уже выходило за пределы законоположений в их точном смысле. – Но скажут нам: а что же дворянство? Оно де при чем остается? Ответим: не забыли мы ни Высочайшего рескрипта на имя министра народного просвещения от 25 декабря 1873 г., ни последовавшего за ним законоположения о начальных народных училищах от 25 мая 1874 г., благодаря которым дворянство, в состав которого, – просим не забывать, – входили и входят нередко и иностранцы, заменило собою духовенство во многих отношениях по делу начального народного образования. Недоброжелатели духовенства толкуют эту перемену отношений между прочим так: «не впервые поднимается обвинение народной школы в нерелигиозном и неблагонадежном направлении. Мы чай все помним, как оно было не так давно еще формулировано и послужило – к чему? – к изъятию школ из-под ведения архиереев, изъятию, которое сопровождалось оскорбительным, громко брошенным в лицо всему высшему духовенству нареканием, что оно де не умело уберечь школы от вредных влияний. Если никто из наших архипастырей не отвечал на такой вызов, от которого у многих мирян кипела кровь, так это объясняется лишь врожденным русскому человеку молчанием перед властью и тем обстоятельством, что во главе их ведомства стояло тоже лицо, под исключительный надзор которого предполагалось передать эти школы; – человек, конечно не сочувствовавший никаким антицерковным влияниям, не сочувствовавший безверию, нигилизму и социализму. Архиереев официально сменили однако не директора училищ, как предполагалось по новому проекту, а губернские предводители дворянства; фактический же надзор перешел в руки дирекции, с правом

удаления учителей, закрытия школ, указания методов и выбора учебников. «Прошло десять лет с небольшим, – продолжает наш толкователь, касаясь уже теперешнего положения дела, – и духовное ведомство восстает с тем же обвинением против учебного, от которого зависит педагогическая часть в земских школах. Только теперь не говорят, что вы де не умели уберечь и устранить, а прямо обвиняют во введении зла в школу посредством принятых методов и руководств. Когда же мы покончим, – восклицает он в заключение своего толкования, – с взаимными нареканиями, да еще напрасными!» (Совр. Изв. 1887 №241 статья Дашкова). Подлинно пора покончить с нареканиями, да еще напрасными... на духовенство, у которого и без того много было отнято силы и значения со времен Петра и которое не имело и не имеет обычая отвечать на все оскорбительные для него «вызовы» так, как привыкли отвечать на них те из мирян, у которых от них «кипит кровь». Но да позволено будет сказать мне, мирянину, что если, в виду всего вышесказанного, напрасны помянутые нарекания в отношении к духовенству, то не совсем напрасны они в отношении к тем, которые захотели себя самих поставить на место, искони принадлежавшее духовенству в деле народного просвещения. Не говоря о других заместителях духовенства, даже доблестное во всех других отношениях дворянство русское, как законоположениями 1873–1874 года, по истинному толкованию Монаршей мысли, в них заключающейся, призвано было лишь к тому, чтобы «стать на страже народной школы» т.е. наблюдать со стороны, наряду с духовенством же, за нравственным направлением народной школы, а не к учительству и руководительству в ней, так и по существу дела, в силу исторических условий самого воспитания своего, не могло выражать притязание на более «внутреннее и деятельное», нежели как только «охранительное и внешнее», (куда относится, конечно, также и хозяйственная часть) участие в ней. Наилучшее же средство к принятию и более «внутреннего и деятельного», да притом и поистине плодотворного участия в деле начального народного образования и для дворянства, как для других, кроме духовного, сословий, есть перевоспитание их самих в духе церковности, иначе сказать, в духе веры православной. Наилучшим образом эта потребность, как необходимое условие просветительного влияния на народ, высказана в Высочайшем рескрипте дворянству Российскому, данном по случаю столетия жалованной грамоты 21 апр. 1885 года. В этом рескрипте ныне благополучно царствующий Самодержавный Монарх Российской империи, «для пользы государства» признавая «за благо, чтобы

Российские дворяне и ныне, как и в прежнее время, сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования», к сему добавляет следующие знаменательные слова: «свидетельство неизменного Монаршего благоволения на пороге наступающего столетия да послужит Россиянам, принадлежащим к благородному сословию, новым возбуждением к верному усердию в служении своем на пользу государству! Отцы и матери да потщатся воспитывать детей своих, будущий род Российского Дворянства, в духе веры воспитавшей и утвердившей Россию, в правилах чести, в простых обычаях жизни, в неизменной преданности Престолу и истинному благу Отечества» (Моск. Ведом. 1885 № 110). Эти Монаршие слова вместе с тем служат и истинным истолкованием выше приведенных Монарших же слов рескрипта от 25 декабря 1873 года относительно значения дворянства в деле начального народного образования. История прошедшего – лучший учитель будущего. А мы видели выше, сколь великое благо для России, во все почти тысячелетие государственной жизни ее, заключалось в неуклонном следовании путем православной веры, указываемом церковью, и наоборот сколь великое зло в отклонении от сего пути. И если благородное Российское дворянство, исстари существовавшее на Руси, как служилое сословие, однако лишь в 1885 году праздновало столетие дарованной ему, как особому сословию, «жалованной грамоты»: то православная Церковь в России в будущем 1888 году будет торжествовать девятисотлетие крещения Руси в православную веру и господства последней в России; а введение православной веры в славянские земли, а затем в различные концы земли Русской и просвещение ее чрез сродные ей и сопредельные с ней племена дарованною служителями этой веры свв. Кириллом и Мефодием святой церковно-славянской грамотой при крещении в сию веру отпраздновало уже и тысячелетие свое. И восстановление призванных «утверждать в народ эту веру чрез духовенство церковно-приходских школ, равно как и столетие жалованной грамоты дворянству, знаменательно совпало по времени с этим празднованием. – Будем же все вместе, без различия сословий, ради истинного блага всем нам любезного Отечества, под руководством матери-Церкви, и словом, а более всего делом, ревностно стремиться к исполнению заветов Державных Вождей наших и наших архипастырей об «охранении» в школе и вообще во всем «и на грядущие веки православной веры, огражданствовавшей, просветившей, собравшей,

воспитавшей, утвердившей, возвеличившей и охраняющей Россию». Под этим только условием возможно будет истинное просвещение народное, равно как и плодотворно будет самое просвещение. И тогда-то лишь среди тьмы духовной «засияет новая заря над» нашей «школой» народной, истинный образец которой есть школа церковно-приходская.

Примечания

¹ - 19 ноября – день кончины Филарета; 1 декабря – день Ангела его и 26 декабря – день его рождения. А в нынешнем 1887 году, сверх того, исполнилось и 20-летие со дня кончины его.

² - Хотя в этом последнем правиле имеется ближе всего в виду поучение с церковной кафедры, но это не препятствует, ему иметь значение и для настоящего случая.

³ - Срав. подобную же мысль в «архипастырском воззвании высокопреосв. Исидора к духовенству Новгородской епархии» от 1885 года. Церк. Вестн. за 1885 г. № 41.

⁴ - Старожилы помнят, что по объявлении манифеста 19 февр. 1861 г. во весь этот день не было ни одного пьяного из крестьян.

⁵ - Кроме святителя Филарета, см. ту же мысль в записке покойного Н.П. Гилярова-Платонова «О начальном народном обучении» (Приб. к тв. св. Отц. за 1862 г. XXI), в «Записке» Т.И. Филиппова «О начальных училищах» (Спб. 1882) и др.

⁶ - Срав. вышеприведенные слова Паисия Лигарида.

⁷ - А.В. Головнин.

⁸ - «Об электричестве и магнетизме». Перев. с нем. Спб. 1862.

⁹ - См. опровержение этого мнения в Приб. к тв. св. отц. за 1862г. ч. XXI

¹⁰ - Святитель понимает при этом студенческие волнения в университетах, а равно и подобные же волнения в гимназиях.

¹¹ - Т.е. во Франции.

¹² - См. нашу статью-речь в №№ 5–6 «Чтений в общ. люб. дух. просв. за 1885 год.

¹³ - Оказывается напр., что по словам педагога Семенова «новая заря-то засияла над Петербургскими городскими училищами» после передачи приходских училищ в ведение города, благодаря предложению об этой передаче, сделанному в Думе таким светильником просвещения, как гласный А.А. Краевский, известный издатель «Отечественных Записок» и «Голоса». См. «Русск. Старина» 1887 №9, стр. 692.

¹⁴ - Недаром Екатерина II, в своих «Записках» говорит: «чтоб хорошо знать Российский язык, надлежит узнать Славянский».

¹⁵ - Такие речи говорились в земских собраниях вскоре по

учреждении земств, именно в 1865 г.

¹⁶ - Именно в 1885 году, следовательно по восстановлении церковно-приходских школ.

¹⁷ - Очевидно сам писавший эти строки не ясно представлял себе то, что называет «книгою догматов».

¹⁸ - Вероятно, вместо церковных песней, хотели не только песни светские народные, а и плясовые ввести в народные школы.

¹⁹ - Срав. также изданную от Св. Синода «Азбуку» (Спб. 1887).

²⁰ - См. изданные Св. Синодом «Программы для ц.-прих. школ», стр. 16 и дал. 34 и др. Спб. 1886; – каталог книг изд. Св. Синодом и предназначенных для начального народного образования при №9 Журн. мин. нар. просв. за 1887 г.; – о.Никона, Чего просит народ? Москва, 1887 и др.

²¹ - См. Календарь для духовенства на 1883 год, изд. при Церк.-Общ. Вестнике, стр. 328; – на 1884 год, стр. 7; Отч. Об.-прок. св. Син. за 1884 г. стр. 105 и дал.; Моск. Ведом. за 1886 г. № 217 и мн. др.

Содержание

И. Корсунский Государственное значение церковно-приходской школы профессор Иван Николаевич Корсунский	1
Примечания	70